

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Южно – Уральский государственный университет»
(Национальный исследовательский университет)
Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

Ю5.я7
Н162

НАГЕВИЧЕНЕ В.Я.

**БОГОСЛОВСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ
ТЕОРИИ О ЧЕЛОВЕКЕ И СЕМЬЕ**

Учебное пособие

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2014

ББК Ю511.я7 + Ю516.я7 + Ю51.я7 + Э210. 32.я7
Н162

Одобрено
Учебно-методической комиссией филиала в г. Миассе

Рецензенты:
Пивоваров Д.В., Медведев А.В.

Н162 **Нагевичене, В.Я.**

Богословские и философско-религиозные теории о человеке и семье: учебное пособие / В.Я. Нагевичене– Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. – 43 с.

Учебное пособие содержит изложение теоретического материала о религиозной картине мира, происхождении человека, тайне пола и вопросам специфики формирования семьи. Данный материал предлагается для рассмотрения в контексте изучения картины мира: мифологической, религиозной и научной. Учебное пособие предлагается студентам для подготовки ответа на практическом занятии или для написания реферата по данной теме, которая рассматривается в плане семинарского занятия. Учебное пособие “Богословские и философско-религиозные теории о человеке и семье” написано в соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и изучается в дисциплине “Философия”

Учебное пособие состоит из предисловия, пяти частей и заключения, а также списка литературы.

Данное учебное пособие предназначено для студентов как очной, так и очно-заочной формы обучения, а также учащихся техникумов при подготовке по дисциплине философии, а также для всех, кто интересуется проблемами религиозной картины мира, теологической и религиозно-философской трактовкой происхождения человека, брака и семьи.

ББК Ю511.я7 + Ю516.я7 + Ю51.я7 + Э210. 32.я7
Издательский центр ЮУрГУ, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление.....	3
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
1. Богословские концепции о человеке и его предназначении	4
2. Теория “поврежденности”, “греховности” человека.....	10
3. Богословские и философско-религиозные теории о необходимости брака.....	18
4. Роль пола человека в становлении христианина	30
5. Религиозная личность и религиозный брак	37
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	39
Библиографический список.....	42

ПРЕДИСЛОВИЕ

На проблему человека и семейно-брачных отношений религия и церковь никогда не смотрели однозначно. Эти взгляды изменялись исторически, появлялись новые трактовки, оправдывающие и отстаивающие различные теории о предназначении человека, о формах брака в зависимости от конкретных социальных условий развития общества, государственной установки на семейно-брачную позицию и внутрицерковных догм в отношении брака и семьи. Но прежде чем рассуждать о человеке и его семейно-брачных отношениях, которые религия и церковь не всегда признавали, необходимо остановиться на ряде основных понятий, формирующих структуру семейно-брачных отношений: человек, религиозное понимание сущности человека, включая различия пола, осознание половых отношений как необходимого регулятора поведения личности, связанного с появлением семейно-брачных отношений; затем, понятия души и духовной близости людей, создающих нравственно-психологический климат конформного общения, а также ценностные установки религиозного сознания, связанные с осмыслением значимости брака и семьи.

1. БОГОСЛОВСКИЕ КОНЦЕПЦИИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ

Во Второзаконии (4, 32) сказано: "...сотворил бог человека на земле, и от края неба до края неба". Библия, подтверждая исполинскую сущность человека, то есть прародителя человечества, говорит и о его долголетию – "девятьсот тридцать лет". Согласно Корану супруга Адама – Ева не уступала ему в размерах, ее рост был пятьсот футов, а в Мекке хранится ее "гробница" – гигантских размеров "захоронение".

В Ветхом Завете в книге Бытия дается религиозная концепция сотворения Богом человека, мужчину и женщину и их семейно-брачных отношений, которые хотя и связаны с грехом познания перед Богом и изгнанием их из рая в реально проклятые Им условия жизни, тем не менее, благословенные Создателем на таинство брака.

Адам, нарекая имена животным, произносил членораздельные звуки, в которые облакал свои мысли и суждения, но эти мысли оставались без обмена. Адам не мог не чувствовать своего одиночества и нужды в подобном ему существе, наблюдая, что животные, в сущности, сотворены по четам.

"И наложи Бог изступление на Адама, и успе: и вся одно от ребр его, и исполни плотию в место его" (Быт. 2, 21).

Но "изступление", т.е. сон Адама "не был обыкновенным и сопровождался не одним притуплением чувствительности к боли. В душе уснувшего Адама открылись видения, подобные тем, каких сподоблялись пророки и апостолы, когда приводимы были Духом Святым в восторженное состояние, и, находясь в этом состоянии, не могли дать себе ясного отчета, в теле ли они остались или были вне тела. Подобно им, и Адам введен был Богом в исступление, или в вос-

торженное состояние, в котором душа его, при бездействии внешних чувств, видела ясно, что совершал Бог над его телом, и понимал значение творческого действия” [1, с. 12].

Бог взял ребро Адама вместе с приросшей к нему плотью, что дало основание Адаму говорить, пробудившись, жене своей: “Се ныне кость от костей моих и плоть от плоти моя”, а ребро Бог Адаму снова создал, так что пустого места не осталось: “И созда Господь ребро, еже взя от Адама, в жену, и приведе ю ко Адаму” (Быт. 2, 22).

Создание животных по четам предусматривает единственную цель – распространение рода, поэтому нет необходимости им всегда быть в неразрывном сожителстве, а происхождение жены от мужа говорит о необходимости их неразрывного сожителства, не только для рождения детей, но и их воспитания. А то, что жена создана из боковой части тела Адама, из ребра, говорит, что она должна быть ему помощницей, занимать его сторону и не мечтать о первенстве своего положения по отношению к Адаму. Сотворив жену, Господь “приведе ее к Адаму”, следовательно, он сообщил особое благословение и освящение их супружескому союзу.

“И рече Адам: се ныне кость от костей моих и плоть от плоти моя: сея наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия” (Быт. 2, 23). Эти слова Адам произнес по Откровению, которое получил во время сна от Бога.

Имя, которое Адам дал жене, в еврейском языке есть женская форма имени мужа. “Сия наречется жена (евр. иша), яко от мужа (евр. иш) взята бысть сия”. Или в русском переводе звучит, что “она назовется замужнею, потому что от мужа взята”.

“Сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будете два в плоть едину” (Быт. 2, 24). Следовательно, союз мужа и жены теснее, чем отношения к родителям, союз этот, создан однажды, считается неразлучным. Общение между ними должны быть очень тесными (“прилепится”) и должны они быть как бы единым лицом, единым человеком. “Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена” (1 Кор. 7, 4). Это есть установление Слова Божьего, Сам Творец, по словам Иисуса Христа, произнес это (Мф. 19, 4). И если Сам Творец все это создал, то развод между мужем и женой не возможен, кроме случаев, означенных в законе. “Еже Бог сочета, человек да не разлучает”, – сказал Христос.

Христианство отрицает многоженство, ссылаясь на слова Бога, что будут два, именно двое, а не много, одной плотью.

Любовь Адама и Евы была чиста и не омрачена чувственным влечением друг к другу. Они могли бы долго быть в таком общении между собой, если бы не змий.

“Змий же бе мудрейших всех зверей сущих на земле,” их же сотвори Господь Бог. “И рече змий жене: что яко рече Бог: да не ясте от всякого древа райского?”

Но змий был не просто одним из животных, созданных Богом, потому что он заговорил с Евой на человеческом языке. Это был падший дух, один из мно-

гих бесплотных существ, сотворенных прежде видимого мира, но этот дух возгордился своим сиянием среди звезд (1 Тим. 3: 2, 6) и возмечтал о независимости от Творца (сатана – противник Богу) и был Творцом низвергнут из общества чистых духов, оставшихся верными Богу. До судного дня сатана имеет возможность вредить людям, искушенным на зло, которое Бог допускает для нашей духовной пользы. Людей, преуспевающих в добре, искушения предостерегают от духовной гордости, давая им чувствовать помощь свою в борьбе с лукавым и ощущать нужду в благодатной помощи Бога, научают смирению и упованию на Него (2 Кор. 12: 7 – 9). Иисус Христос говорит о сатане (дьяволе) так: “Он человекоубийца бе искони” (Ин. 8, 44) и самое большое искушение для людей дьявол применяет в качестве зависти. “Завистью дьяволею смерть вниде в мир” (Прем. 2, 24). Иногда дьявол искушает людей с дерзостью и свирепостью льва (1 Петр. 5, 8), так он искушал Иова, но большей частью, он действует оболъщениями, ухищрениями (Апок. 12, 9), отчего и называется дьяволом (обольстителем, в переходе с греческого – клеветник). Дьявол явился в виде змия (в своем первоизданном виде) перед Евою, а иногда может принять любую форму, в том числе, и Ангела света (2 Кор. 11, 14), в котором нередко является христианским подвижником. Бог, допустивший дьявола искушать первых людей, решил укрепить их в добре, поэтому допустил его в первоизданном виде – змия. Бытописатель описывает змия “мудрейшим”, ибо временно это качество было орудием духа злобы и только на некоторое время позволял себе еще и лукавство, которое выразилось в том, что он обратился к Еве, когда она была одна. История христианских подвижников показывает, что чаще всего искушения дьявола и нападки с его стороны идут на них тогда, когда они были в уединении, вдали от братии, не пользовались руководством более опытных подвижников в различении духов.

Лукавство дьявола заключалось еще и в том, что он выбрал жену, а не мужа, ибо жена более восприимчива к впечатлениям, значит податливее на искушения, тем более что жена не от Бога, а от мужа, да и знаток он был своего оболъстительного мастерства.

В прародительнице шла борьба помыслов, когда она разглядывала райское дерево с запрещенными плодами по заповеди Божьей. Это нерешительное состояние и сомнение были учтены змием.

“И рече жена змию: от всякого древа райского ясти будем: от плода же древа, еже есть посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете” (Быт. 2 – 3).

Бог запретил только есть от древа познания добра и зла, а не запретил касаться его плодов, но Адам запретил даже касаться, иначе умрешь. Но змий увидел неудовлетворенное любопытство Евы в отношении этих плодов, запрещенных есть по заповеди Бога, и сказал: “не смертью умрете: ведяще бо Бог, яко в онъже аще день снете от него, отверзнутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое” (Быт. 3: 4 – 5).

По словам змия от плодов умереть не возможно, а запретил Бог, якобы, от зависти к людям, т.к. они могли стать ему подобными, если вкусят от древа по-

знания добра и зла и станете такими же всеведущими, как Сам Бог, а Бог хочет, чтобы люди остались полностью в его зависимости. Бог специально закрывает наши глаза от совершенного и обширного ведения, приобретение которого, сделает людей подобных Ему. Если съесть плод, то повязка с духовных очей спадет и откроется обширная сфера ведения, обладая которой, мы не будем нуждаться в Боге. Почему Сирах и сказал: “начало греха – гордыня” (Сир. 10, 15).

“И виде жена, яко добро древо в снедь и яко угодно очами видети и красно есть, еже разумети: и взявши от плода его яде, и даде мужу своему с собой, и ядоста” (Быт. 3, 6).

Еве показалось древо теперь не запретным Богом, а “яко добро древо в снедь”, т.е. плод древа вкусен и питателен, в ней загорелась чувственность, которая была до сих пор сдерживаемая страхом. “Яко угодно очами видите”, т.е. плод показался ей красивым, дерево – прекрасным, а вкушение от плода обещало ей Божеское ведение добра и зла: “красно зреть разумети”.

Поэтому Ева “взяли от плода его яде, и даде мужу своему с собою, и ядоста”, т.е. дала и мужу тоже поесть.

Жена тяжело согрешила, впала в непослушание Богу, увлекла за собой мужа, но и муж глубоко упал, послушавшись жены, ослушавшись Бога, от Которого принял заповедь. Он не попросил раскаяния от жены, а последовал ее совету, уступив первенство жене.

“И отверзошася очи обема, и узреша, яко нази беша: и сшиста листвее смоковное, и сотвориста себе пропоясание” (Быт. 3, 7).

Очи раскрылись, но не для свойственного Богу ведения добра и зла, а для горького познания своей нравственной порчи: “разумета, яко нази беша”.

До грехопадения их тела были чистыми сосудами с чистым духом, ум господствовал над влечениями, а теперь ум перестал господствовать над плотью, появилось новое чувство – стыд, похотливость тела, что побудило их сшить “листвие смоковное” и сотворить себе “препоясание”.

Чувство стыда прародителей говорит о том, что они готовы были к раскаянию, которое не сразу в себе обнаружили.

“И услышаста глас Господа Бога ходяща в раи по полудни: и скрыстася Адам же и жена его от лица Господа посреди древа райского” (Быт. 3, 8).

Люди удалили себя от Бога грехом, но Бог не захотел от них удалиться. Он явился к ним, правда, в Библии не говорится в каком виде, но, скорее всего в образе человека, в котором он впоследствии был богоявлен многим патриархам церкви.

У прародителей вместо радости появился испуг, ибо совесть сказала им, что идет Судья и Обличитель их непослушания – греха.

“И призва Господь Бог Адама и рече ему: Адаме, где еси” (Быт. 3, 9). Бог знал, где Адам, но решил его вопросом побудить к признанию своей вины. “И рече ему: глас слышах тебе ходяща в рай, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся” (Быт. 3, 10). Грешник убоялся (новое чувство прародителей) показать Богу наготу свою и скрылся (сила смущения и сила греха), это смутило Адама, что он забыл о всеведении Бога, у него помрачился, повредился ум. И тогда Бог спро-

сил его: “Кто возвестил тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единого не ясти, от него ял еси?” (Быт. 3, 11). “И рече Адам: жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох” (Быт. 3, 12). То есть, жена, которую Ты мне дал, она мне дала от дерева, и я ел. Адам слагает свой грех на жену, даже на Бога, что дал такую жену, как будто Бог сотворил жену на грех.

Жена же слагает свою вину на змия: “змей прельсти мя, и ядох” (Быт. 3, 13).

Бог выносит приговор сначала змию, затем людям. “И рече Господь Бог змию: яко сотворил еси сие, проклят ты от всех скотов и от всех зверей земных: на персях твоих и чреве ходити будеши, и землю снеси вся дни живота твоего” (Быт. 3, 14). Дьявол действовал вместе со змием, но виновен искуситель, а не естественный змей, который по природе не наделен разумом и свободой, а явился лишь орудием чужого греха. Бог проклинает орудие искушения и грехопадения человеческого, и всю землю проклинает.

Естественный змей осуждается ползать на груди и брюхе, есть землю, в которой пища будет мешаться с прахом земным. А змей духовный – сатана, был свергнут с прежних высот и осужден на вечные муки в аду.

Затем Бог осудил людей: “и вражду положу между семенем твоим и между семенем твоя; той твою блюсти будеши его пяту” (Быт. 3, 15). Самим наказанием дьявола Господь дает надежду на спасение людей во Христе, являет согрешившему человеку милость свою, утешает его. Это – первоевангелие о Христе, это – основа, на которой возрастут обетования и пророчества о Христе, приготовляющие к принятию его ветхозаветными верующими.

“И вражду положу между тобою и между женою”. Спасти человека можно лишь через расторжение союза змия и человека, сам человек не сможет разорвать грешные цепи, которыми окутал его дьявол, и даже не способен на борьбу с дьяволом, он его раб, так как раб греха (Ин. 8, 34).

Бог вступает за человека, основывает начало царству благодати, спасающей человека. Он касается сердца грешника благодатью.

Семя змия может быть только духовным, и нечестивые люди поражаются им (ехидны) (Мф. 3, 7) и гадами дьявола (2 Сол. 2, 3). Отсюда не будет мира между семенем змия и жены.

Под семенем жены, враждебным семенем змия, должно разуместь собственно одно лицо (Быт. 4, 25) из потомков жены, именно того из них, который от вечности предопределен к спасению людей и во времени родился от жены (Гал. 4, 4) без семени мужа. Он за тем и явился в мир, чтобы “разрушить дела диявола” (1 Ин. 3, 8), то есть царство диявола, наполняемое его слугами, его семенем. Но Богочеловек явился борцом против семени змия, или царства диявола; не только личною своею деятельностью во днех плоти Своей, а вместе в лице потомков жены, которые до появления Его в мир ратовали против семени змия под знаменем Его, с верою в Него, и тех, которые по пришествии Его соединились под Его знамя для той же борьбы. Он так близок к ним, так тесно соединен с ними, как глава с членами тела. При таком отношении их ко Христу не будет противоречия в том, если мы под семенем жены, враждебном семени змия, ра-

зумея собственно Христа, будем вместе разумеать верующих в Него или всю воинствующую Церковь, как тело Его [1, с. 28].

Нанесенное поражение для естественного змия может быть только в голову, следовательно, поражение духовного змия в главу семенем жены означает то, что Христос совершенно победит дьявола и отнимет у него силу безраздельно господствовать над родом человеческим.

Такое торжество победы над дьяволом Христос достигнет только посредством крестной смерти: “Ныне князь мира сего изгнан будет вон” (Ин. 12, 31), а раньше Христос побеждал его в пустыне, в изгнании из людей бесов, когда распространял истину людям. По Вознесении Господнем и по Сошествию Св. Духа распространение христианства стало утверждать сокращение границ владения князя тьмы, но окончательное его уничтожение произойдет при втором пришествии Христа. “И ты блюсти будешь его пята”. До второго пришествия дьяволу еще дается возможность вредить людям, но его уязвления будут исцеляться как укус змия в пятку, ибо этот укус не очень опасен. Это уязвление Христа дьяволом было связано с тем, что он возмутил неверных евреев распять Его, но это больше послужило исцелению человечества.

И сказал Бог Еве: “умножая, умножу печали твоя и воздыхания твоя: в болезнях родиши чада, и к мужу твоему обращение твое, и тот тобою обладати будет” (Быт. 3, 16).

Чадородие, источник благословения Божьего, будет орудием гнева Божьего, ибо соединенное болезнями чревоношения и муками рождения, наступит вследствие ослабления грехом телесных сил матери. Но жена все-таки будет иметь влечение к мужу, “мужу твоему обращение твое”.

“И тот тобою обладати будет” – это урок смирения для женщины, которая собралась быть с Богом на равных. Но это рабство жены ослаблено христианством в борьбе против язычества.

“И Адаму рече: яко послушал еси гласа жены твоея и ял еси от древа, его же заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси: проклята земля в делех твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего” (Быт. 3, 17).

Адам грешен в том, что забыл, кто глава семьи, что не требовал от жены раскаяния, дал увлечь себя не добрыми внушениями, – ослушался Бога в запрете: не есть плодов с древа.

Приговор Бога связан с проклятием земли, т.е. она становится малопродуктивной, проклятия и у растений, которые на ней растут, возделывание земли и культивирование растений будет занимать много времени, беспокойств и огорчений. “Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную” (Быт. 3, 18).

Терны и волчцы (чертополох) будут в основном произрастать на земле, заглушать будут полезные растения. “И снеси траву сельную”, т.е. не захотел есть райскую пищу, то будешь есть полевую траву.

“В поте лица снеси хлеб твой, доидежа возвратишия в землю, от тя же взят еси: яка земля еси, и в землю отидеши” (Быт. 3, 19).

Теперь Адам осужден на изнурительный труд, одна смерть освободит его от страданий, приобретенных в борьбе с непокорной природой. Человек обратится

в прах, из которого сотворен. Господь угрожал смертью за непослушание и исполнил Свою Волю. Это и правосудие, и благодать Божия, она лечит от гордости, учит смирению, определяет границу неумеренным чувственным удовольствиям.

“И нарече Адам имя жене своей жизнь (Ева), яко та мати всех живущих” (Быт. 3, 20). Это свидетельствует о его благодарности Богу, обещавшему сделать жену матерью великого Семени, который будет сражаться с дьяволом и притупит жало смерти.

Христианство унаследовало от иудаизма мнение, что виной всех несчастий человечества является первородный грех, совершенный Адамом и Евой. Искупить этот грех должен был Иисус Христос своей смертью.

2. ТЕОРИЯ “ПОВРЕЖДЕННОСТИ”, “ГРЕХОВНОСТИ” ЧЕЛОВЕКА

“В момент, когда животное трансцендировало природу, когда оно вышло за пределы предназначенной ему чисто пассивной роли тварного существа, оно стало (с биологической точки зрения) самым беспомощным из всех животных

Происходило это не потому, что Бог покидал человека, но потому, что человек удалялся от Бога” [2, с. 14].

Человек, отделившись от животного мира на заре человечества, почувствовал, что врата мировой тайны перед ним закрылись. Людей стало покидать яснovidение и духовная власть над царством природы. Они очутились в огромном враждебном мировом лесу, обреченные на тяжелую борьбу и испытания.

Человек стал добывать хлеб “в поте лица своего”, а также духовные богатства завоевывал напряженным трудом и усилиями многих поколений — это трудная дорога исторического развития, которая началась после Грехопадения.

“Величие и красота истории человеческих поисков утраченного Бога заключается в том, что человек всегда испытывал неудовлетворенность, никогда (пусть и бессознательно) не забывал той “райской страны”, которую покинул тогда, когда он впервые осознал себя в мире, он “говорил с Богом лицом к лицу”. Теперь эта непосредственность общения нарушилась.

Духовная катастрофа воздвигла стену между людьми и Небом. Но человек не утратил своего богоподобия, не утратил способности хотя бы в слабой степени познавать Бога. На ранних этапах в первобытном богопознании еще ясно жило ощущение Божественного Единства. Мы уже видели, что у многих примитивных племен, сохранивших быт своих далеких предков, сохранились и следы первоначального единобожия” [2, с. 16].

Общечеловеческое чувство вины пред Богом требовало его искупления, поэтому появились табу как наивная попытка избежать нарушения высшей Воли. Человек осознал себя отделенным от Бога.

Писание усматривает в Библии грехопадение как определенное событие, которое, подобно антропогенезу, имело место во времени, а с другой стороны грехопадение описывается не как обычный исторический факт, а изображается символическим языком мифа.

В Бытии первозданный человек представлен как “хранитель и возделыватель” того, что Бог “насадил”, как существо, поставленное “владычествовать” над всеми тварями (Быт. 1, 26; 2, 15). Человек являлся продолжателем дела Бога. Когда человек был в Эдеме, то тварь не противилась ему, он трудился над всем мирозданием. Творец одарил его силами, превосходящими всю природу. Соединение с Богом было живым, питающим его силы. То, что до грехопадения Первочеловек говорил с Богом лицом к лицу, означает его полную открытость Божественному.

Но человеку дана свобода, о которой так много говорит Библия, и человек должен делать свободный выбор для себя. С.Л. Франк пишет: “Согласились бы мы, чтобы Бог с самого начала создал нас такими, чтобы мы автоматически, сами собой, без размышления и свободного разумного решения, как эта река, исполняли его веления? И был ли бы тогда осуществлен смысл нашей жизни? Но если бы мы автоматически творили добро и по природе были бы разумны, если бы все вокруг само собой с полной принудительной очевидностью свидетельствовало о Боге, о разуме и добре, то все сразу стало бы абсолютно бессмысленным, ибо “смысл” есть разумное осуществление жизни, а не ход заведенных часов. Смысл есть подлинное обнаружение и удовлетворение тайных глубин нашего “я”, а наше “я” невысказано без свободы, ибо свобода, спонтанность требует возможности нашей собственной инициативы, а последняя предполагает, что не все идет гладко, “само собой”, что есть нужда в творчестве, в духовной мощи, в преодолении преград. Царство Божие, которое получилось бы “даром” и было бы навсегда предопределено, совсем не было бы для нас царствием Божиим, ибо в нем мы должны быть свободными соучастниками божественной славы, сынами Божиими, а тогда мы были бы не то что рабами, а мертвым винтиком какого-то необходимого механизма” [3, с. 124].

Таким образом, в процессе человеческого развития должна была существовать возможность пойти по ложной дороге, по-своему оценить себя и свое положение в мире.

Пользуясь своей свободой, человек сознательно оказал сопротивление своему признанию, он посягнул на “Древо Познания добра и зла”, а мотивом нарушения заповеди он называет желание: “быть как боги”.

Ветхозаветная литература под терминологией “добра и зла” понимает власть над миром. Библейская идиома “добра и зла”, как правило, есть синоним “всего на свете”. “Для евреев, — справедливо отмечает голландский библеист Ренхенс, — познание означает вещь практическую, в том или ином смысле, творческую: познать вещь, произнести ее имя — означает осуществить над ней свое подлинное влияние, поставить ее под свою власть. Это хорошо объясняет тот факт, что знание различия между добром и злом может быть только сверхчеловеческой привилегией” [4, с. 178]. Но эта не та власть, которая изначально была дана Богом человеку, а автономная, утверждающая свои цели, свое мерило жизни и мысли.

Первородный грех можно представить, как попытку человека повлиять на природу, используя данные ему силы в своекорыстных целях. Акт “первой в

истории магии” привел к внутренней переориентации человека и внес разлад во все его существо.

Была предопределена роковая черта: человек осознал свою свободу, решил, что может действовать вопреки воле Бога. Человек из борца Хаоса стал рабом Хаоса, путь к Древу Жизни был закрыт. Гармония духа и плоти нарушена, законы природы стали властвовать над человеком.

“Первородный грех есть крушение духа, утвердившего себя не в Боге, а в самом себе. Оно замутило поток ноосферы, воспрепятствовало ее движению вперед. Объяснить этот порыв назад, этот регресс, это отступление во тьму в рациональных терминах невозможно, здесь порог разума, край бездны”, — так говорил А. Мень [2, с. 141].

Как указывал Н.А. Бердяев: грехопадение есть религиозно-метафизический, а не моральный факт, оно лежит неизмеримо глубже моральности и частного явления человеческой психики. Грехопадение совершилось в глубине мистической стихии мира, это таинственный факт метафизической свободы, разрыв бытия и порабощение его частей, а не нарушение моральной законности [5, с. 26].

Но был ли человек нарушителем духовного мира, носителем духовного мятежа? Библия неоднозначно говорит, что не было такого дочеловеческого мира, в котором отсутствовали бы смерть и взаимное пожирание существ. Писание не отмечает такого факта, что дикие животные появились сразу после грехопадения.

Комментируя библейскую историю творения человека, отцы Церкви говорят о первозданной природе, в которой есть борьба, и что жизнь одних идет за счет жизни других.

Религиозное сознание, конечно, противится мысли о том, что зло тоже идет от Бога, поэтому якобы оно существовало уже до человека, источник зла не в человеке и не в Творце. Зло, якобы, идет от змея, который, подкравшись, убедил съесть яблоко с “дерева познания”. Аналогами змея в Библии являются чудовища Хаоса, но там они, как и змей, не боги, а тварь, возмущившаяся против Создателя. Об этой силе Христос говорит как о “князе мира”, с которым он пришел бороться.

Библия повествует о сверхисторических, сверхчеловеческих, демонических факторах, действующих в более обширной Вселенной и препятствующих достижению божественных целей. Тейяр де Шарден предложил свою “статистическую” теорию грехопадения, в которой пытается обойти проблему злой воли, сводя дело к случайностям и издержкам. А христианство имеет основания говорить о совершившемся до человека космическом Грехопадении.

Н.А. Бердяев говорил: “Мир есть иерархический организм, в котором все части между собой связаны, в котором то, что совершается на вершинах, отражается на низинах... Миф о диаволе символически отражает событие, совершившееся на самой вершине духовного мира, в высшей точке духовной иерархии.

Тьма первоначально сгустилась в высшей точке духовной иерархии, там свобода впервые создала отрицательный ответ на Божий зов, на Божию потреб-

ность в любви своего другого, там творение вступило на путь самоутверждения и самозамкнутости, на путь разрыва и ненависти” [6, с. 325].

Помимо Бердяева, мысль о поврежденности мироздания была высказана В.Ф. Одоевским, П.Я. Чаадаевым в “Пятом философическом письме”, Вл. Соловьевым в “Духовных основах жизни”, Н.О. Лосским в его работе “Мир как органическое целое”. Хотя Н.А. Бердяев, испытывая влияние Я. Бёме, Ф. Шеллинга, но пришел к понятию “нетварной свободы”, теории, которая имеет оттенок дуализма.

Человек не послушался сил Логоса, а внял голосу змея. Писание называет змея сатаной, “отцом лжи” и “человеко-убийцей”, т.к. обман и ложь в исполинских масштабах стали орудием против Правды. Змей говорил людям, что они будут, “как Боги” и солгал, подорвал их первозданные силы и отделил людей от Древа Жизни. Человека покорила закон распада и смерти. Человеческий грех непосредственно себя проявляет в духовном опыте. Дух человека терзается в самоутверждении, неся горделивую мечту о создании мира таким, каким он его хочет видеть.

Первородный грех первых людей распространился и на потомков. Но первым человеком был Адам, имя это упоминается в Библии четыре раза, а в основном заменяется словом “человек” и имеет множественное значение. Филон Александрийский трактовал его как все человечество, в Каббале это — “Адам Кадмон”, в Ветхом Завете — “Адам” — «идея» целостного принципа человеческого рода.

Апостол Павел говорил о двух Адамах: Ветхом и Новом. Второй есть Церковь, глава которой — Христос. В глазах Павла, как и в глазах его современников, Адам — не только исторический индивидуум, но, прежде всего — личность, которая включает в себя все человечество. Именно в этом качестве Павел видел в нем образ Божий.

Христос в мир пришел спасти “Адама” (но не первочеловека). Вся метаистория есть история единого Адама. “Под Адамом, — говорит Вл. Соловьев, — разумеется не отдельное только лицо, наряду с другими, а вся единая личность, заключающая в себе все природное, человеческое” [7, с. 162]. Эту мысль развивает отец С. Булгаков: “Адам не имеет индивидуального лица в том смысле, в каком его теперь понимаем. Он не есть только “порядковая величина”. Человек един. Индивиды в его духовном организме есть только всплески, ипостасные явления единой человечности” [8, с. 35].

Богословие связывает эту тайну единомножественности ноосферы с учением о богоподобии человека. Подобно тому, как единство сущего открывается в предвечном саморазвитии Троицы, так и человек в его идеальном состоянии объемлет в себе ипостаси отдельных индивидов. Как говорил В.Н. Лосский: “Существует только одна человеческая природа, общая всем людям, хотя она и кажется нам раздробленной грехом и разделенной многими индивидами” [9, с. 65].

Это единство людей в Адаме и увлекло всех на ложный путь. Сущность грехопадения — не в чьей-то отдельной вине, а во всеобщем человеческом отпа-

дении, ибо, по словам апостола Павла, в нем (в Адаме) “все согрешили” (Рим. 5, 12). Отсюда и идет трагический разрыв бытия и сознания у участников грехопадения. Оно совершилось на уровне, превышающем индивидуальное сознание, но охватывает весь человеческий вид в целом. Поэтому человек как явление целого тоже причастен греху. Но полностью злу человек не поддался, а сохранил здоровый корень, жажду совершенства и познания, стремление к добру, тоску по Богу – это залог дальнейшего прогресса рода Адама. Ибо страдание и дисгармония вызывают у человека протест, побуждают искать пути преодоления, отсюда и растет в человеке его дух, ибо великие победы духа рождаются в борьбе и страданиях, на грани смерти и мук. Но Бог не оставляет человека одиноким, укрепляет его в духе, озаряет его путь откровением.

“Первое искушение человека было для него пробным камнем: Адам внял голосу Змея и захотел идти его путем богопротivления. Но и после этого великого разрыва, когда врата Рая закрылись, связь Неба и Земли не прерывалась. Бог продолжает присутствовать в жизни человека, который в сумраке своих блужданий не уставал искать его” [2, с. 150].

При рассмотрении проблемы грехопадения можно выделить два подхода: *библейский и философско-религиозный*.

Картина грехопадения в Библии сразу не раскрывается, а собирается по крупицам через сказания об Адаме, Каине, Потопе, где указывается на неблагополучие в человеческом мире – нарастание зла. Но Ветхий Завет постоянно говорит о всеобщности и врожденности греха: “Нет человека, который не грешил бы”, “Во грехе родила меня мать моя” (3 Цар.8, 46; Пс. 50, 7; Быт. 4,6; 5,5; Цар. 6, 36; Пс. 13, 3; Иов. 14, 4; Экл. 7, 20).

Истина в том, что сущность греха — не “сакральная скверна” (как думали язычники), а измена Богу, отступление от Него, грех катастрофически вползает в человеческий мир. Во второканонической книге “Премудрости Соломоновой”, написанной около I в. до нашей эры, можно прочесть: “Бог создал человека для нетления и создал его образом вечного бытия своего, но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают её, принадлежащие к уделу его” (Прем. 2, 23 – 24).

На рубеже новой эры иудейские библеисты уже прямо начинают обращаться к рассказу в поисках образа, символизирующего начало греха.

В “Апокалипсисе Ездры” (3 кн. Ездры) говорится о том, что грех первочеловека перешел на его потомков, в связи с тем, что человек призван к борьбе и должен свободно выбирать путь добра или зла (3 кн. Ездры , 57). О преступлении Адама говорится и в Апокалипсисе Баруха (ок. I в. н.э.), почти цитируя Апокалипсис Ездры. Барух считает Адама первым грешником, хотя, по его мнению, “каждый человек является Адамом для себя” (Ап. Бар. 48, 42).

Апостол Павел впервые дал целостную картину первородного греха, воплотив в ней свой духовный опыт. Он считал, что в человеческой душе есть постоянные конфликты, разум одолевается страстями, человек в отчаянии обнаруживает в себе противоположное, двойное “Я” (Рим. 7, 15). Эти муки души отдельного человека присущи каждому человеку, всем, и эта всеобщая болезнь имеет

одно происхождение – это богопротивление, посягательство человека на равенство с Богом и поэтому отпавшего от Него человека. Прообраз общечеловеческого зла – демонический мятеж, который освободил путь двум грозным существам – Греху и Смерти, ставшими неразлучными с людьми (Рим. 5, 12). Если Адам – глава древнего человечества – отпал от Бога, то Христос – “новый Адам”, не искавший причину похитить высшую власть, но сам, будучи божественным, “умалил себя”, приняв страдания мира и смерть ради людей (Фил.2, 7). Возрождение человечества совершится через этого “Второго Адама”.

Но апостол Павел видит грех не в плане высшего акта, а в мистическом плане. Тайна “двух Адамов” — это тайна драмы, совершающейся в диалоге человека и Бога. Апостол Павел несёт новое Откровение, не порывая со старым, единое духовное направление пронизывает оба Завета.

Евангелие полно решимости бороться с демоническими силами, Христос отверг искушение Сатаны, который предлагал ему путь гордыни, высшей власти над миром.

О Своём служении людям Христос говорил как о битве с Сатаной, с “Князем мира” (Ин. 12, 31; 14, 30; 16, 11). “Власть тьмы Христос видит в грехе, в болезни, в одержимости, в смерти” (Ин. 6, 70; 13, 2; Лк. 8, 28; 13, 16; 22, 31). Поэтому, врачую души и тела, Христос говорит о том, “что полагает начало всеобщему избавлению от Сатаны, который низвергается со своего престола” (Лк. 10, 18).

Продолжив учение о грехе, апостол Павел продлил традицию Библии, поэтому не был исключен из священной книги. Получилась “теория происхождения Греха”. Любые богословские концепции являются лишь комментариями к этому живому опыту христианства. Отрицания догмата о Первородном грехе нет в Библии, он воспринимается ни как теория, а как свидетельство о событиях духовного плана [2, с. 35].

Как догмат о Богочеловеке не был умозрительной теорией, а родился из религиозных потрясений, пережитого теми, кто встретил Христа на пути своем, так и учение о “падшем” человеке есть плод непосредственного переживания двух духовных событий: единение души с Богом в любви и отрыв от Него через грех [10, с. 112].

Как считает А. Мень: “... не навязывая никаких гипотетических конструкций, вера христианства утверждает лишь то, что во Христе человек возвращается к Свету, откуда изошло всё сотворённое” [2, с. 365].

Идейные вожди цивилизации, считавшие, что человечеству становится жить всё лучше на пути научно-технического прогресса, бросили вызов религии, обосновав необходимость внедрения атеизма и устранения догмата о Грехопадении, считая, что человек постоянно совершенствуется и развивается. Но прогресс знания и общественные изменения XX века под лозунгом: “все для человека” не сделали человека гармоничным, так как он сам по себе существо дисгармоничное.

Зло в человеке обнаруживает его особый “звериный характер”. И эта враждебная аномалия человека, возможно, возникла в самом начале его антропосо-

циогенеза. Стремление к добру не уничтожает его злой изощренности, воли ко злу, проявляющих себя и в садизме, и в специальных культах демонизма, которые были раскрыты М. Ладыженским в его работе “Тёмная сила” (М., 1915), где рассматриваются виды сатанинского оккультизма.

Все размышления о Грехопадении и “падшем” человеке можно представить через понятие “свобода”, ибо в ней может осуществиться как полное богоподобие человека, так и уклонение его от путей истинной жизни.

Человек способен возвыситься над потребностями своего тела, свойствами своего характера, социальными условиями. Дух человека способен победить пространство и время, проникнуть везде, куда не может проникнуть тело; он созерцает прошлое и заглядывает в будущее. Замысел, план, предвидение, выбор, решение — эти черты отличают человека от животного [11, с. 128]. Свобода есть аспект богопознаваемости, причастности человека к Царству Божию.

“Вы познаете истину, и истина делает вас свободным” (Ин. 8, 32), “к свободе призваны вы, братья” (Гал. 5, 13).

Свобода — это стремление к идеалу, любовь к Истине, к Богу, служение его великим замыслам. Но свобода была бы призрачной, если не было бы возможности воспротивиться призыву Творца и избрать свой путь. Бог вкладывает в человеческую личность возможность любви и, следовательно, — отказа (Н.О. Лосский).

Об этом свидетельствуют многие источники, начиная с первых веков: св. Юстин: “2. Апология”, 7, 6; Татиан: “Слово против Эллинов”, 7, 3; Афинагор: “Прощение”, 31; св. Ириней: “Против Маркиона”, 2, 5; Ориген: “О началах”, 2, 10, 6, “Против Цельса”, 6, 5; св. Иоанн Дамаскин: “Точное изложение православной Веры” XIII в.

Н.А. Бердяев отмечал, что: “... без свободы непонятно миротворение, грехопадение, искупление, вера и смысл мирового процесса” [6, с. 177].

С.Л. Франк выделяет два аспекта свободы в своей работе “Реальность и человек” (Париж, 1956). Позитивный её смысл, как выразился Гегель, — “бытие из себя”, самоосуществление. “Её нельзя считать беспредельной возможностью чего угодно, беспричинностью в абсолютном смысле. Она не только сочетается с необходимостью, но есть необходимость — именно внутренняя, как определенность самим собой; она противоположна только рабству, принуждению извне” [10, с. 177].

Но есть негативный смысл свободы, который увлекает человека от полноты Божественного бытия и от его собственной природы во тьму хаоса и небытия. Это — измена себе и Богу, это — разрыв бытия и провал в бездну. Здесь дух искажает, упираясь в границу Смерти, это — ложный путь самоутверждения, удаляющего человека от Источника Жизни.

Богоподобность человека состоит в том, что он самостоятельно может выбрать себе позицию в своём бытии по отношению к твари и Богу, здесь самораскрытие пути к Свету или к Тьме.

В догмате о Грехопадении свобода является единственным началом, на чём сходятся все богословы, но в моменте раскрытия тайны великого Разрыва Бога и человека они разделяются.

А. Мень выделяет четыре варианта догмата о падении, разработанные в религиозной философии и теологии:

1) Абстрактно-аллегорический, где история Адама воспринимается как аллегория, означающая постоянное отпадение от Бога.

2) Натурализм и буквализм, где Адам рассматривается таким же человеком, как любой другой, только первый по счету.

3) Александрийский догмат, где Адам – мистическое толкование гармонического космоса, созданного Богом мгновенно и подчинившего Адама законам грубой материи (Булгаков, Бердяев).

4) “Статистический” догмат, связанный с представлением о созданном мире в виде раздробленности и множественности. Коллективное неупорядоченное состояние сознания несет страдания и грех, происходит организация в хаосе.

И предлагает свою концепцию: Адам – Всечеловек. Возникновение человека как существа духоносного – эта тайна, стоящая за пределами научного постижения. Вторжение духа в мир живых существ, озарение, чудесная трансформация животного — вот что такое “сотворение Адама”, подлинный антропогенез.

“Адам” по-еврейски просто “человек”, не имя собственное.

Гексамерон указывает на множественность, заключенную в этом слове:

“Сотворение Адама по образу Нашему
и подобию Нашему
и да владычествуют ОНИ над рыбами морскими,
и над птицами небесными, и над всею землею”.

Адам – не просто человек, а – человечество. Филон воспринимал Адама как “идею” человечества. Гностики развили эту идею в Каббале как учение об Адаме Кадмоне.

Апостол Павел назвал Христа “небесным Адамом”. Во втором Адаме он видел средоточие тела Церкви, это соборный организм Церкви противопоставляется “ветхому Адаму”. “Первый Адам” в Ветхом Завете определяет несовершенство плотского состояния людей, а во “втором Адаме” – новозаветном – заключена возможность для всех людей обрести новое духовное рождение.

Православное богослужение говорит о спасении Адама. “На землю сшел еси да спасеши Адама”, – читается на утрени Великой Субботы. На Пасху говорят, что Христос “совоскресил всенародного Адама”.

Итак, Адам – единство, обнимающее множество, как множество заключено в единстве. Адам – всеединая личность, обнимающая собой все человечество. “В учении о первозданном Адаме, – по словам Е.Н. Трубецкого, – находят себе выражение две глубоких религиозных интуиции – интуиция общности человеческой природы и интуиция свободы как начала греха. Мы, люди, не изолированные индивиды, а род, т.е. некоторое органическое целое” [12, с. 161]. Эту же мысль мы находим у С.Н. Булгакова: “человечество можно мыслить реалисти-

чески, как некую духовную сущность, или силу, единую в своем существе... но при этом множественную, многоипостасную в своих существованиях” [13, с. 284].

“Духовную реальность, стоящую за библейским Адамом и за Адамом святоотеческого богословия, с достоверностью ощущали многие мистики, поэты, философы. Не она ли обуславливает единство человечества даже тогда, когда части

его изолированы? Не она ли есть основа общечеловеческой солидарности в добре и зле? Не в ней ли причина всеобщей зараженности грехом и условие всеобщего исцеления нашей природы через Боговоплощение?” [2, с. 384].

Адам “ветхий” (тело) и Адам “новый” (дух) соединены были Христом, дав основу человеческому роду для духовного соединения, то есть для формирования духовного опыта.

Духовный же опыт дает знания, Истину, основу для творчества, боготворчества.

3. БОГОСЛОВСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕОРИИ О НЕОБХОДИМОСТИ БРАКА

По религиозно-мифологическим понятиям, не только общество, но и вселенная – это большая космическая семья. Но семья и общество образуются из мужчин и женщин, и человеческий род продолжается благодаря отношению между полами, которые регулируются брачными правилами. В мифологии признаются два вида связей: кровнородственные и брачные, которые предполагают значительные качественные различия.

Кровнородственные связи – это судьба, которая определяет твой нерушимый союз по крови, это связь с родом, которую невозможно разорвать, а брачные связи носят относительный характер и при проявлении конфликта брачные узы можно разорвать с целью установления новых. Кровнородственные браки категорически запрещены, и супруги должны быть из разных родов, что вполне может нести вражду между родами, перенесенную и на почву ритуальной вражды между мужем и женой, которая не обязательно становится характерной для семейных отношений, но, как правило, проявляется в сфере религиозного поведения. Чаще всего чужеродным людям, то есть взятым из других родов, религия кровнородственников запрещала принимать участие в религиозных обрядах.

Итак, все общество разделено на мужчин и женщин, в котором мужчина и женщина заключают брак, способный в дальнейшем образовать семью.

Христианский брак является нерасторжимым единством двух людей, обставлен массой условностей, обязанностей, запретов, которые идут как со стороны церкви, так и со стороны социальных институтов государства. Человек

может умалить природу физиологического и сексуального общения в браке, мотивируя нравственными требованиями, которые на него налагают два института: церковь и государство, но отсюда природа брака не выигрывает. Ибо сама любовь супругов, выступающая как основной мотив брака, является, прежде всего, индивидуальным органическим влечением или лучше “опоэтизированной половой страстью”. А любовь без органического сексуального влечения не реализуется в браке: она будет носить “рыцарский” характер духовной связи, знакомства, содружества, романтической дружбы. Эта любовь идеального характера, вытекающая из нравственных основ личности, нужна человеку для его самоопределения, самосознания, самоутверждения в кругу близких друзей и родственников без различия пола и звания, она не создает основы для брака и отрицается сущностью брачных уз. “Точно так же, никакие исполнения гражданских постановлений относительно брачной жизни и никакие церковные освящения брака никогда не в силах изменить фактического значения физиологического акта брака для человека как нравственной личности. Сам по себе родовой акт останется навсегда таким же, каким он дан и вне законного супружества. А потому исполнение его все равно всегда будет вызывать у человека “стыд” – и не у отдельных только личностей, а вообще у всех людей. Как самый дикий человек, живущий исключительно материальными интересами жизни, так и самый культурный, обосновывающий свою жизнь и деятельность на высших началах бытия, как развратник, так и высоконравственная личность, – все, без исключения, здесь уравниваются. Все они одинаково – будут ли некоторые состоять в законном супружестве, а другие в незаконном сожитии, или предаваться тайным порокам, безразлично, все скрывают это органическое отправление и стыдятся его как недостойного для себя действия... Вообще же нравственный стыд не уничтожает, ни при каких условиях, родового акта. Ни тогда, когда он является в виде дополнения к реализации любви, ни в том случае, когда процесс его становится целью сам по себе, как наслаждение” [14. с. 93].

Человек стыдится, как и Адам наготы своей, понимая свою принадлежность только к животному миру как части его функциональной характеристики, его нравственный облик теряется, он как бы теряет лицо Бога, который не был связан с этой животной сущностью. Идеал разумного Бога уступает место торжеству зла – родовому корню, который одерживает победу, и человек осознает свое глубокое падение, свой грех, стыд охватывает нравственную личность, выступающую на уровне животного мира. Но человек властвует над природой и животным миром, следовательно, надо устранить явление, порождающее стыд, как явление, недостойное человека, нужно вернуть облик нравственного человека с Богом в душе. Вера есть у человека в то, что люди от нравственного возвышения не будут стыдиться полового акта, что супружеское общение – это не позор и, возможно, тогда устранятся пороки, связанные с линчеванием человеком в себе его нравственной личности, родовая суть должна нести нравственное удовлетворение. Но родовой акт несет страсть, иначе он не будет актом, а страсть перекрывает разумную нравственность, поэтому требуется мистическая бутафория для облагораживания нравственной души, вступающей в сексуаль-

ное общение, или следует согласиться на принижение своей индивидуально-уникальной нравственности, ибо под влиянием половой страсти человек все равно потеряет самообладание, самосознание и самочувствование.

Но постоянно активная разумная деятельность может убить страсть или контролировать грубую силу животного инстинкта. Человек, поставивший для себя цель нравственного совершенства, может отказаться от родового акта и брачных связей. А уж если состоит в брачных узах, то деторождение считает ненужным и делает его невозможным.

Н.А. Бердяев выделяет определенные состояния пола, входящие в функциональный характер законной семьи, аскетизма и разврата, которые определяются отношением пола к сексуальному акту. “Говорят лишь о сексуальном акте, который морально и социально благоустраивается и упорядочивается в семье, подчиняясь деторождению, совсем отрицается в аскетизме и беспорядочно, неблагоустроенно, распущенно господствует в разврате. Это господствующее в разных формах сознание говорит, хотя и стыдливо, о сексуальном акте, но совсем молчит о сексуальной любви. О поле говорят, но странно забывают о любви” [6, с. 420].

Люди живут в обществе. В этом союзе людей устанавливаются разные отношения, служащие основой их единства, скорее всего это объединяющие силы, создающиеся на основе взаимопонимания, чувства справедливости и любви, которые определяются нравственными, общечеловеческими нормами, исходящими из признания уважения, необходимости подчинения своих личностных желаний интересам сообщества, единству сосуществования. Но личностные желания, устремления присущи не только нравственным личностям, человеку естественно присуще чувство отстаивания своих принципов и желаний, что выливается в чувстве вражды, ненависти, слепых увлечений своими эмоциями. Конечно, многие индивидуальные, эгоцентристские устремления и помыслы могут быть направлены опять же в интересах сообщества людей, пробивают путь к более передовому и прогрессивному, тогда честь и хвала этим устремлениям, утверждающим сообщество людей на более высоком ранге развития. Но чаще всего вражда и ненависть приводят к разрыву с обществом данной личности или к отказу общества от него, что не дает основы единству и гармонии, и вновь проявляются миротворческие тенденции, ведущие к сопониманию, уважению, любви и помощи, то есть тем чувствам души человеческой, направленной на комфорт, стабильность и покой. Человек испытывает влечение своего нравственного состояния к другому человеку, воспитывает свои помыслы и душу, радость желания и сострадания к другому не только для того, чтобы только самоощущать себя в гармонии с самим собой, но чтобы войти в единство с другим, ощутить его духовный мир, его помыслы и чувства, т.е. пойти по пути выработки чувства человечности, являющегося основой единства любого сообщества индивидов.

Конечно, такими общечеловеческими качествами, т.е. свойствами души человека, направленными на единение людей, являются: общительность, участие, сострадание, откровенность, простота, со-понимание. Но им всегда будут про-

тивоположны психологические и нравственные состояния души, направленные на разъединение, они будут порождать страсти, сеющие вражду и ненависть.

Разумное самообладание и уважение к чужому достоинству могут отступить перед преднамеренной жадностью, злом, наглостью, ханжеством, дающим основу несогласия.

“Вообще мир с людьми требует, как необходимого условия, чтобы человек был в мире с самим собой или чтобы он имел внутренний душевный мир, который достигается самообладанием, торжеством над страстями, послушанием голосу совести, особенно же деятельною преданностию в волю Божию. Ежедневные опыты показывают, что человек, увлекающийся страстями, везде находит поводы к вражде с людьми, которые окружают его; мало этого, он даже сердится на вещи, с которыми он обращается, люди и вещи представляются ему врагами, которые посягают или на его спокойствие, или на его счастье; ему хотелось бы, чтобы и люди, и вещи мгновенно передвигались и изменялись соответственно с его капризами и страстями. Но особенно безотрадное явление представляет человек, когда он преследует цель действительно достойную, но в то же время слепо увлекается самолюбием и своекорыстием. Это служение Богу и маммоне в одно и то же время, на одном и том же месте есть источник всякого фанатизма, так губельного для общего мира и для общего блага” [15, с. 355].

Поэтому в поисках соединяющих начал всех людей в единое сообщество люди выводят какие-то основополагающие нравственные высшие принципы, такие, как: Добро, Любовь, Справедливость, Истина, то есть те понятия, которые становятся атрибутами Бога, как великой силы, способной быть высшей судьей для каждого человека, именно отсюда идет получение высшего испытания на нравственность заповедей Бога в момент гнева, разыгрывания страстей и неверия.

Ощущая над собой высшую силу Добра, Справедливости, Любви, человек менее всего будет склонен к разъединяющим началам нравственной канвы его и общества, скорее всего он будет склонен к выработыванию и проявлению высших своих духовных сил и деятельности, направленных на служение себя ближним, дальним, обществу и его святыне – Богу, главному богу его сообщества.

“Блажени миротворцы, потому что и для этого, по-видимому, легкого подвига, требуется упорная борьба с самолюбием, торжество над страстями, свободное послушание совести, особенно же – деятельная любовь ко Христу и полная преданность в Его волю” [15, с. 357].

Не будем останавливаться на самом понятии любви, ей дано свыше 400 различных дефиниций и вряд ли 401-я ее дефиниция выявит основной ее субстанциональный характер. Скорее всего, следует определить дифференциацию предмета любви, чтобы понять ее различный функциональный характер и силу значимости этого высшего чувства человечества.

П.А. Флоренский, анализируя греческое слово “Filia” выделяет четыре глагола, отражающие слово “любовь” в разных функциональных назначениях:

1. Направлять на предмет всецелостное чувство, отдаваться предмету, для него чувствовать. Это чувство страсти, ревности, желания, любовное желание.

2. Любить в общем значении или внутренняя склонность к лицу, задушевная близость, близость поцелуями, включающая момент довольства, самонасыщенности, удовлетворенности, нежное выражение любви.

3. Иметь спокойное, непрерывное чувство любящего к близко ему принадлежащему, обретение душевного мира, спокойная любовь родителей к детям, мужа к жене, гражданина к государству.

4. Указать на любовь с элементами рассудочности, то есть ценить, уважать. Чем больше рассудка, тем больше слабеет сторона чувственности. Это больше связано с оценкой других и самооценкой себя, здесь больше связь идет с такими понятиями, как: радуюсь, веселюсь, приобретаю [16, с. 396 – 398].

Подводя итог этим понятиям, можно отметить следующие черты, характерные для любви:

1. непосредственность происхождения, основанного на личном соприкосновении, но не обусловленного одними лишь органическими связями, т.е. естественность;

2. проникновенность в самого человека, а не только оценка его качеств;

3. тихий, задушевный, нерассудочный характер чувства, но в то же время и не страстный, не импульсивный, не безудержный, не слепой и не бурный;

4. близость и, при том, личная, “нутряная” [16, с. 400]. Далее П.А. Флоренский анализирует термин “любовь” Арнольда Гейлинкса в его “Этике”, вышедшей в 1665г., где выделяет следующие типы любви:

1. Любовь чувства;

2. Любовь благожелания;

3. Любовь влечения;

4. Любовь уважения [16, с. 406].

Анализируя это понятие “любовь” и ее различные состояния у Гейлинкса, П.А. Флоренский выделяет пятый тип любви, который автор “Этики” считает за формальную возможность – пассивную любовь бесплотного существа, любовную страсть чистого духа.

“Но эту отвлеченную любовь он почти не признает за величину реальную, почему, вероятно, и не вводит ее в окончательную классификацию видов любви. Что же касается до нас, то мы готовы признать, что, быть может, и есть особая любовь, свойственная бестелесной, “астральной”, – но не духовной от того, – организации, и что она, быть может, находит свое осуществление в явлениях медиумического экстаза у спиритов, хлыстов, некоторых мистиков и т.д.” [16, с. 406 – 407]. Сам же Флоренский очень высоко ценил понятие любви и определил ему место в эпиграфе книги: “Познание совершается любовью”.

Тайна пола раскрывается только в любви. Н.А. Бердяев считает, что любовь – явление аристократическое, оно не могло быть знакомо ни Ветхому Завету, ни философам в их изысканиях, ни революционерам в их преобразовании мира. Этим занимались разве что мистики и поэты. “Любовь не нужна роду человеческому, перспективе его продолжения и устройства. Она остается где-то в сторо-

не. Сексуальный разврат ближе и понятнее человеческому роду, чем любовь, в известном смысле приемлемее для него и даже безопаснее. С развратом можно устроиться в “мире”, можно ограничить его и упорядочить. С любовью устроиться нельзя и она не подлежит никакому упорядочиванию. В любви нет перспективы устроенной в этом “мире” жизни. В любви есть роковое семя гибели в этом “мире” [17, с. 422].

Семья всегда гармонически вписывается в любую форму общественного социального развития, ее адаптированность как ячейки хозяйствования была абсолютной. Связь семьи с полом всегда была относительна, а с любовью – почти невозможна. Любовь всегда выплескивалась за грани семьи. “Продолжение человеческого рода и его жизнеустройство на земле должны были быть поставлены в известную независимость от естественной оргийности и хаотичности пола. Должен был образоваться легализированный, нормальный пол как необходимое приспособление к данному состоянию бытия. Тайна половой любви как абсолютная тайна двух недосягаема для общества, но общество привыкло регламентировать все, что имеет отношение к продолжению человеческого рода. Семья родилась из необходимости, а не из свободы” [17, с. 423].

Семья создается с целью деторождения, для искупления родового греха, без родового греха не существует семьи. Семья не может дать обновление пола, она стоит на пониженном восприятии пола, характеризующемся через сексуальные отношения. А для восхождения пола семья не нужна. Семья боится революции и возрождения в поле, она соглашается на роль упорядочения греха и разврата в интересах государства. Религиозные основы семьи остаются невыясненными, так как остается двусмысленное отношение к центральной тайне пола.

Новый Завет отрицает семью, отрицает сексуальный акт, воспринимает его лишь как падение и великий грех. “Подлинно “христианской семьи” так же не может быть, как не может быть подлинно “христианского государства”. Семья есть родовой институт, родовое благоустройство... Христианская семья есть лишь дезинфицирование, обезвреживание полового греха. Христианство твердо знает, что люди рождаются во грехе, что греховно соединение полов в природном родовом порядке, и хочет ослабить, обезвредить грех путем приспособления и послушания. Подзаконная семья не есть творчество новых отношений людей, новой жизни, она есть послушание “миру”, его бремени” [17, с. 425]. Семья, как и государство, не духовный феномен, она не в Духе, она насквозь материальна для рождения и устройства родителей и детей. Тайна брака не для христианской семьи, которая только благоустраивается, она лжива для моногамной семьи и более себя оправдывает в отсутствии лицемерия в полигамной семье. Церковь благословляет семью, обезвреживая грех. И только в Новом Завете, в религии искупления может быть аскетическое преодоление пола, познание тайны Любви, Любви в Духе, в творчестве. Таинство брака – это таинство соединения в Любви.

“Таинство любви – выше закона и вне закона, в нем выход из рода и родовой необходимости, в нем начало преобразования природы. Любовь – не послу-

шание, не несение тяготы и бремени “мира”, а творческое дерзновение. Это таинство, таинство брака, не раскрывается еще ни в откровении закона, ни в откровении искупления. Таинство любви – творческое откровение самого человека. Оно начиналось в мистической любви, всегда раскрывавшей границы утилитарно-родовой физиологии и экономики семьи” [17, с. 426].

Любовь – это отречение от жизненной перспективы, это жертва жизнью. “Никогда еще не нашел я женщины, от которой хотел бы иметь детей, потому что я люблю тебя, о вечность!” Так говорил Заратустра. Любовь творит личность, потому что связана не с послушанием, а с дерзованием. Любовь – не семейная категория. Любовь свободна, свобода куплена жертвенностью. Свобода любви – это истина Неба, а любовь через сексуальный акт – это рабство, рабство любви. Оргийский экстаз любви – сверхприроден, в нем выход в мир иной. “В Боге встречается любящий с любимым, в Боге видит любимое лицо. В природном мире любящие разъединяются. Природа любви – космическая, сверхиндивидуальная. Тайну любви нельзя познать в свете индивидуальной психологии. Любовь приобщает к космической мировой иерархии, космически соединяет в андрогиническом образе тех, кто были разорваны в порядке природном. Любовь есть путь, через который каждый раскрывает в себе человека-андрогина. В подлинной любви не может быть произвола – в ней есть предназначение и призвание. Но мир не может судить о тайне двух, тайне брачной – в ней нет ничего социального. Подлинное таинство брака совершается лишь немногими и для немногих, оно – аристократично и предполагает избрание [17, с. 428 – 429].

В любви нет произвола, личного желания, это – высшая воля, судьба, предназначение, это – жертва во имя высшей воли. Любовь космична, она не может быть неразделенной, односторонней, потому что она выше людей. Жуткая трагедия любви заключается в мучительном искании андрогинного образа, космической гармонии.

Любовь эротическая, половая в корне отличается от любви “христианской”, гуманистической, бесплотной, бескровной. Она зовет к соединению всех в христианском всечеловечестве, к соединению всех в свободном Духе. “Любовь христианская преодолевает греховное распадение всех существ мира, всех частей мира в нездешнем соединении всех...” [17, с. 436]. Подлинная христианская любовь считалась в христианском мире дерзостью, гордыней слишком головокружительного восхождения. Грешному человеку даже любовь не разрешалась, как недостойному. Андрогинизм есть восстановление личности и цельности пола в богоподобном бытии. В любви должна открыться не тайна женственности и не тайна мужественности, а тайна человека.

Христос говорил: “Кто оставит отца своего и мать, и жену, и детей, и дом – тот есть Мой Ученик” (Лк. 19, 26). Апостол говорил: “Женатый заботится о мирском, как угодить жене, а неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу” (I Кор. 7: 32, 33). “Огонь пришел я низвесть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен я креститься: и как я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, гово-

рю вам, но разделение. Отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против свекрови своей” (Лк. 12).

Евангелие призывает к ангельской любви, которая особая, бесполоая, небесно-спокойная, всем помогающая и в добре, и во зле, от всех далекая и ни с кем не сливающаяся. “Ни – жены, ни – детей, ни – невесток и свекровей. Мой огонь – другой! О, если бы он возжегся!!!” (Мтф. 19).

“Вот Церковь.

Вот Христианство.

Вот христианские народы.

В середине всего лежит:

Иночество!

Как кристалл внутри церкви и этот твердый кристалл нерастворим в христианской цивилизации, и медленно ведет христианские народы, как племена и кровь, как землю, и ведет само христианство, как что-то слишком сложное, состоящие из языческих и евангельских начал, – к разодранию, разрушению и остановлению на земле “немногих избранных”: – Царства бессеменных святых” [14, с. 143].

Апостол Павел не вменяет в обязанность чадородие: “Не уклоняйтесь друг от друга... чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мной как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я” (I Кор. 7: 5 – 7). Отношение к жене должно быть как к сестре. Если муж любит свою жену в духе любви Христа к женщине, то едва ли у него появится желание быть с ней в интимных отношениях, ибо это несовместимо с христианской настроенностью, лучше дольше молиться и изнемогать, чем грешить.

Разная наполняемость человека чувством любви дает и разнофункциональный характер проявления его у человека, способного на любовь, поскольку это чувство, как и другие чувства человека, может быть сильно развито или ослаблено, заторможено, или специально погублено.

Когда мы говорим о контакте людей, их единстве, сообществе, то говорим и о силе, их объединяющей, о центростремительной силе, силе любви, а не о центробежной, противоположной ей по силе – силе ненависти, вражды.

Первая религиозная заповедь, которая была дана Богом для людей, живущих на Земле, выражена в Ветхом Завете – “плодитесь и размножайтесь”.

В отношениях между полами устанавливалось главенство мужчины перед женщиной. “И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут одна плоть” (Быт. 2: 23 – 24).

Жене сказал: “умножая, умножу скорбь твою в беременности твоей, в болезни будешь рожать детей; и к мужу твоему влечение твое, а он будет господствовать над тобой” (Быт. 3, 16).

Ветхий Завет дает нравственные предписания на уровне законов между людьми, включенными в различные отношения к семье и браку. Религия осуждает блуд и разврат и стоит на страже сохранения брака, призванного увеличивать корни колен Израилевых, собственность клана, власть его главы.

“Они не должны брать за себя блудницу и опороченную, не должны брать и жену, отвергнутую мужем своим, ибо они святы Богу своему” (Левит. 21: 7). “Если дочь священника осквернит себя блудодеянием, то она бесчестит отца своего, огнем должно сжечь ее” (Левит. 21: 7). “В жену он должен брать девицу” (Левит. 21: 13). Девственность невесты обеспечивала гарантию наследования собственности от отца своим детям, а не чужим, поэтому защите девственности и отстаиванию невинности придавалось большое значение во все времена. “И отец отроковицы скажет старейшинам: дочь мою я отдал в жену сему человеку и ныне он возненавидел ее. И вот он возводит на нее порочные дела, говоря: “я не нашел у дочери твоей девства”. Но вот признаки девства дочери моей. И расстелют одежду перед старейшинами города. Тогда старейшины того города пусть возьмут мужа и накажут его. Если же сказанное будет истинно, и не найдется девства у отроковицы, то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее и жители города побьют ее камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовал в доме отца своего, и так истреби зло среди себя” (Втор. 23: 16 – 21).

“Если кто-нибудь встретится с девицей не обрученной, и схватит ее, и ляжет с нею, и застанут их, то лежащий с нею должен дать отцу отроковицы пятьдесят сиклей серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее, во всю жизнь свою он не может развестись с нею” (Втор. 21: 28 – 29).

Ветхий Завет заботился и о том, чтобы мужчина был заинтересован в сохранении и приумножении клана своего. Родители ищут защиты у старейшин от своего сына, мота и пьяницы, который их разоряет: “Тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти, и так истреби зло из среды себя и все Израильтяне услышат и убоятся” (Втор. 27, 21).

Глава клана не имеет права делить имущество между сыновьями по принципу любимчиков или между женами: любимой и нелюбимой, а должен строго придерживаться правила наследования основного имущества клана старшему сыну: “...и дать ему двойную часть из всего, что у него найдется, ибо он есть начаток силы его, ему принадлежит право первородства” (Втор. 21: 16 – 17).

Сохраняя имущество рода, жена умершего брата не имеет права уходить на сторону за чужого человека, но деверь ее должен стать ей мужем, а если деверь проявит строптивость, то его станут уговаривать старейшины города стать мужем вдовы брата, но если и это не подействует, то тогда надо опозорить деверя: “Тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его и плюнет в лицо его, и скажет: “Так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему”. И нарекут ему имя в Израиле “дом разутого” (Втор. 24: 9 – 10).

Вообще Ветхий Завет стоял на страже семьи, хотя иногда женщине давалось разводное письмо, и она могла вновь выходить замуж, но, если и второй муж с

ней развелся, то первый не имел права ее взять, ибо она уже осквернена. Иисус беседовал с женщиной, выходящей семь раз замуж. (Новый завет признает только три замужества). Каждая женщина имела возможность выйти замуж при открытии торгов невестами. Сначала по большой цене шли очень красивые, а потом и инвалидки продавались за символическую цену, общество стремилось к семейному устройству женщин. Следили и за устранением и наказанием разврата внутри клана: “Если кто возьмет жену брата своего, это гнушно: он открыл наготу брата своего, бездетные будут они” (Лев. 18: 20, 21). “Никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу. Я Господь! Ибо, если кто будет делать все эти мерзости, то души делающих это истреблены будут из народа своего” (Лев. 18, 29).

Многоженство Ветхого Завета не ставило вопроса о любви, как это превалирует в современных светских семьях, любовь, а проще “возжелание” решалось с мужской стороны и завершалось пополнением гарема. Рассуждения о любви больше характерны для поздних богословов, философов и связаны с определением любви к Богу, который являлся основным объектом любви, иногда им становился Иисус или Церковь и менее всего люди, которые могли претендовать лишь на братскую любовь.

Иудаизм, Ветхий Завет были характерны для полигамной семьи. С I в. н.э. возникают еще две новые религии, выросшие из ветхозаветных преданий, это – христианство и позднее ислам. Они разделились как бы на два вектора различных культур: западный и восточный, которые представлены в семейно-брачных отношениях разными плоскостями. Западная семья пошла по моногамному пути развития, а восточная осталась полигамной.

Христианство отрабатывает свои понятия по отношению к браку, семье и безбрачию, а восточная семья осталась своими корнями в полигамии, признавая четыре жены одновременно, которые регулируются в брачных отношениях калымом и разводным письмом.

Рассмотрим христианское понимание семейно-брачных и безбрачных отношений, давших основу современной патриархальной семье.

Если в Ветхом Завете почти ничего не говорилось о любви, а скорее о страсти в отношениях между полами, то в Новом Завете уже есть рассуждения о любви, которая идет от человека к другому человеку, через Бога, это – главная призма преломления в познании и выражении своего отношения к своему избраннику по браку. “Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; потому узнают всех, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой” (Ин. 13: 34, 35).

Но разнофункциональный характер чувства любви в зависимости от ее объекта привел в христианстве к любви: 1) к Богу, 2) к церкви, 3) к брату-иноку, 4) к брату и сестре, входящим в одну общину, 5) к семье, которая менее всего охвачена чувством любовного признания, а более всего отвергаема как носительница человеческого греха. Но с ней вынуждены считаться, поскольку она “в законе”, то есть признается государством как необходимая мера существования

хозяйственного фундамента государства, регулирования сексуальных отношений между полами и рекреация для выращивания нового поколения подданных.

Истинный апофеоз плотской, не вошедшей в Библию целомудренной, религиозной любви в образовании семьи, является “Книга Товия, сына Товита”, где описывают женитьбу благородного юноши, которого ведут к невесте, о существовании которой он узнает при подходе к ее дому; ему объясняют, что “мы подходим к дому, где есть девушка – и она предназначена тебе в жены, и будут у тебя от нее дети”, “Товия полюбил ее и душа его крепко привязалась к ней” (Товит. 6: 1 – 12, 15). Придя в дом Рагуила, юноша был нетерпелив, отказался есть и спать, ждать утра, и потребовал заключения брачного контракта. Когда ночью он оказался с невестой, то “Товия встал с постели и сказал: “Встань, сестра, и помолимся, чтобы Господь помиловал нас”. И он обратился к Богу: “Благословен ты, Боже отцов наших, и благословенно имя твое святое. Ты сотворил Адама и дал ему помощницею Еву, подпорою – жену его. От них произошел род человеческий. Ты сказал: нехорошо быть человеку одному: сотворим помощника, подобного ему. И ныне, Господе, я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но по истине. Благоволи же помиловать меня и дай мне состариться с нею”. (Товит. 8: 4 – 8).

В этом и есть истинная ценность брака, которую церковь должна была признавать, освящать, соглашаться с “таинством его великим”, считать “узаконенным”, но не церковь создала брак, семья – это социально-организованная группа, упорядочивающая половые отношения в обществе, церковь же может определять только сожитительство двух людей как по “истине” или по “греху”.

Новый Завет дает семейный кодекс счастья в наставительных формах, преломления любви друг к другу через Бога и любовь только к нему.

В главе 5 послания Павла к Ефессянам говорится:

- “Повинуйтесь друг другу в страхе Божиим. Жены, повинуйтесь своим мужьям как Господу,
- Потому что муж есть глава Церкви, и Он же Спаситель тела,
- Мужья, любите своих жен, как Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее,
- Чтобы освятить ее, очистив банею водной, посредством слова;
- Чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна.
- Так должны мужья любить своих жен, как свои тела; любящий свою жену любит самого себя.
- Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь
- Потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его” (К Ефес. 5: 21 – 30).
- “Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость.”
- “Почитайте отца твоего и мать” – это первая заповедь с обетованием:
- “Да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле”.

- “И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем” (К Ефес. 6: 1 – 4).

Апостол Павел, когда-то, будучи женат, говорит в послании к Филиппийцам:

- “Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение.

- Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать.

- Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше;

- А оставаться во плоти нужнее для вас” (К Фил. 1: 21 – 24).

В первом послании к Тимофею апостола Павла идентично звучат нравоучения женам:

- “Итак, желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения;

- Чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, ни золотом, ни жемчугом, ни многоцветною одеждою,

- Но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.

- Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью;

- А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии.

- Ибо прежде создан Адам, а потом Ева.

- И не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление;

- В прочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием” (Тим. 2: 8 – 15).

Отношения внутри семьи между поколениями и родственниками регламентируются также в послании Павла к Тимофею:

- “Старца не укоряй, но увещевай, как отца; младших, как братьев;

- Стариц как матерей; молодых, как сестер, со всякою чистотою;

- Вдовиц почитай, истинных вдовиц.

- Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу.

- Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь;

- А сластолюбивая заживо умерла,

- Молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противоположность Христу, желают вступить в брак,

- Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру;

- При том же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны и говорят чего не должно;

- Итак, я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию;

- Ибо некоторые уже совратились вслед сатаны” (Там же, 5: 11 – 15).

Пожилым женщинам нашли работу по соблюдению норм нравственности:

- “Чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здравы в вере, в любви, в терпении;
- чтобы старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не порабощались пьянству, учили добру;
- чтобы вразумляли молодых любить мужей, любить детей;
- быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие;
- юношей также увещевай быть целомудренными” (Послание к Титу Святого апостола Павла, 2: 1 – 6).

В послании к Евреям Святого апостола Павла звучит, наверное, одно из последних настояний в Библии по отношению к браку:

“Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог” (К Евр. 13: 4).

4. РОЛЬ ПОЛА ЧЕЛОВЕКА В СТАНОВЛЕНИИ ХРИСТИАНИНА

Если обратить внимание на высказывания русского религиозного философа Н.А. Бердяева, то его рассуждения о поле носят центральное положение вообще в восприятии бытия, утверждая себя в бытии через творение: “Пол есть точка пересечения двух миров в организме человека. В этой точке скрыта тайна бытия... Можно уйти от дифференцированной половой функции, можно отрицать и преодолеть эту “естественную” функцию пола... Христианские аскеты, побеждавшие физическую жизнь пола, могущественно чувствовали центральность пола в человеке, больше чувствовали, чем многие современные люди, живущие размеренной “естественной” половой жизнью. Аскетика – одна из метафизик пола” [17, с. 400].

Выражение силы и слабости сексуального акта или отрицание его есть выражение пола человека. “Когда говорят, что человек победил в себе пол силой духовного творчества, то в этой формулировке остаются на поверхности явления. В этом случае не побеждает пол, а лишь дается иное направление половой энергии – она направляется на творчество” [17, с. 400].

Сексуальный акт можно победить потому, что возможно распределение половой энергии на силу творчества, но истребить, уничтожить эту энергию нельзя.

Пол связан с тайной бытия человека, человек, живущий в половом воздержании, все равно живет половой жизнью, это предполагает даже абсолютное целомудрие. “Целомудрие есть насквозь половое явление, это одно из направлений половой энергии. В целомудрии наиболее сохраняется цельность человека, и потому половая энергия не проявляется в дробной функции сексуального акта, нет даже помышления о таком дроблении. Дробная функция сексуального акта есть утеря цельной половой энергии, есть отчуждение этой энергии от целостного существа человека. Но целомудрие не есть отрицание пола – целомудрие есть сохранение целостности пола, концентрация половой энергии во всем

целостном существе человека” [17, с. 400]. Разврат – противоположность целомудрию – есть уничтожение целостности человека, когда пол превращается в частную функцию. Девственность – это положительная половая энергия, недопущение дробления целостности человека. “Пол космическая сила и лишь в космическом аспекте может быть постигнут” [17, с. 402].

Категории пола – мужское и женское – категории космические, не только антропологические. “Человек скреплен с космосом, прежде всего через пол. В поле источник как истинного соединения человека с космосом, так и рабской его зависимости... Христианская символика Логоса и души мира, Христа и Его Церкви говорит о космической мистике мужского и женского, о космической брачной тайне. Не только в человеке, но и в космосе есть половое разделение мужского и женского и половое их соединение. Душа мира – земля – женственна по отношению к Логосу – светоносному Мужу и жаждет соединения с Логосом, принятия Его внутрь себя. Земля – невеста ждет Жениха своего Христа” [17, с. 402]. Природа не в состоянии уничтожить коренную бисексуальность, андрогиничность человека, то есть образ и подобие Божье в человеке, поэтому дева-юноша – целостный бисексуальный человек.

При падении Адама, его дева – София – уходит на небо, а на ее смену приходит Ева, отчуждая Адама от космоса. Этот дифференцированно распавшийся пол

становится источником раздора в мире, жаждой всякого соединения. Андрогинический образ все же остался в человеке, иначе человек бы погиб, а его сексуальная жизнь становится мучительным и напряженным исканием утерянного андрогинизма, то есть соединением мужского и женского в целостное существо. Отделение Софии повлекло к порабощению человека его собственной природной необходимостью. Человек стал рабом своего сексуального влечения, жертвой падшей разделенности андрогина.

В свое время фаллический культ древней Греции жаждал воссоединения разделенных полов, молил о космическом половом соединении.

Я. Бёме в своем учении об андрогине писал: “Ты юноша или дева, а Адам был и тем, и другим в одном лице” [18, р. 112]. “Из-за похоти своей Адам утратил деву и в похоти обрел женщину; но дева все еще ждет его, и если только он захочет вступить в новое рождение, она с великой честью вновь примет его” [18, р. 117]. Ева была создана для этой тленной жизни, ибо она жена мира сего. “Премудрость Божья есть вечная Дева, а не жена, она беспорочная чистота и целомудрие и предстоит как образ Божий и подобие Троицы” [18, р. 187]. Иисус Христос был абсолютный и совершенный человек, который не знал таинства брака, не знал женщины, как и Перво-Адам, не знавший брака.

“Адам был мужчиною, равно как и женщиной, но и не тем, и не другим, а девою, исполненной целомудрия, чистоты и непорочности, как образ Божий, он имел в себе и тинктуру огня, и тинктуру света, в слиянии которых покоилась любовь к себе как некий девственный центр, как прекрасный райский розарий, сад услад, в котором он сам себя любил; чему и мы уподобимся по воскресение мертвых, ибо, по слову Христа, там не женятся и не выходят замуж, а живут

подобно ангелам Божиим” [19, р. 94]. Христос на кресте обагрил своей кровью подвиг, восстановив андрогинный образ в человеке, вернув ему Деву-Софию, создав образ муже-девы, а не мужчины и женщины.

“Огненная душа должна закалиться в огне Божьем и стать светлее чистого золота, ибо она жених благородной Софии из семени жены, она – тинктура огня, как София – тинктура света. Когда тинктура огня очистится совершенно – в нее будет возвращена София. Адам вновь обоймет свою всечистую невесту, которая была отнята у него во время его первого сна, и не станет более ни мужчиной, ни женщиной, но лишь одна ветвь на Христовом жемчужном дереве, что стоит в Божьем раю” [19, р. 150 – 151].

Но появилась Ева вместо Софии. “Женщина же, как Адамова девственность, из Адамовой природы и существа была теперь преображена или образована в женщину или самку, в которой все же сохранилась святая, хотя и утратившая Бога, девственность как тинктура любви и света, но сохранилась потускневшей и как бы мертвой; ибо ныне вместо нее в ней внешняя мать как четырехэлементная любовь стала родительницей природы, которая должна была принять в себя Адамово, т.е. мужское семя” [19, р. 327].

А Иисусу пришлось исправлять ошибку Адама, он соединил в себе единый андрогинный образ муже-девы. “Христос затем был рожден Девой, чтобы снова освятить женскую тинктуру и превратить ее в мужскую, дабы мужчина и женщина стали муже-девами, как был Христос” [19, р. 482]. Учение Я. Бёме о Софии есть устремленность к девственности души. Это учение имело место в Каббале.

В XIX в. Ф. Баадер возрождает учение об андрогине, как теории далеко не чуждой теологам. “Теологи всего мира менее должны были бы чуждаться понятия изначальной андрогинности, ибо Мария родила без мужа” [20, р. 381]. И если Баадер признает брак, так только с той целью, чтобы путем брачной любви вернуть первоначальное андрогинное существование природы человека. Он пишет: “Андрогин обусловлен присутствием небесной Девы в человеке, а ее присутствие обусловлено пребыванием в нем Бога. Без понятия андрогина остается непонятной центральная идея религии – идея образа и подобия Божия” [20, р. 191].

И далее: “Божья воля может быть вмещена лишь чистою, то есть от всякой тварной воли свободной Девой и как земная Дева (Мария) прославилась через пробуждение в ней Небесной Девы, так ждет такое же прославление и всякое возрождение. Девственность есть освобождение от тварной воли” [20, р. 43]. Женщина олицетворяется с носителем космической сексуальной стихии, она вся сексуальна насквозь, именно она приковала Адама к власти родовой сексуальности, к этому миру, к природной необходимости, он стал рабом женственности, отделенной от своей андрогинной сущности, от подобия Божия. Женщина Ева приковала мужчин греховностью, а Дева Мария начала освобождение падшего человека. Через Деву Марию земля принимает в свое лоно Логос, нового Адама, Абсолютного Человека.

“И если падение и порабощение старого Адама, великого человека укрепило в мире царство природно-родового рождения через сексуальный акт, то новый Адам, новый Человек мог родиться лишь от девы, зачавшей от Духа” [17, с. 408]. Новое рождение от вечной женственности не должно быть связано с сексуальным греховным актом, должен был произойти разрыв, то есть отказ от старой родовой необходимости, должна начаться эпоха нового человека – андрогина: аскета, девственника.

Сексуальный акт должен быть устранен, ибо он призрачен, профанирует к разврату, он – тленность, он является источником смерти рода человеческого, он порождает отчужденность людей. “Соединение полов по мистическому своему смыслу должно быть проникновением каждой клетки одного существа в каждую клетку другого, слиянием целой плоти с целой плотью, целого духа с целым духом. Вместо этого совершается дробное, частичное, поверхностное соприкосновение, плоть остается разделенной от плоти” [17, с. 409].

Источник жизни испорчен, он становится источником дурной бесконечности, естественной потребностью, он безличен, он осуществляется как у зверей, в нем нет ничего индивидуального и даже человеческого. После сексуального акта идет основное распадение личности, связанное с деторождением, а это гибель личности, это деторождение является карой сексуального акта и вместе с тем искуплением греха. Радость полового соединения – это яд, смертельный яд, он грех, так как здесь отразилась тоска загубленной личности. Смерть и рождение, связь людей по крови и телу подменили прежнюю связь людей по духу. Поэтому освобождение личности должно произойти как освобождение от рода, от его сексуального акта и перейти к общению по духу. В жизни рода смерть неизбежна. Лишь в духе возможна победа над смертью, воскресение из мертвых. Первое рождение в роде не есть еще подлинное рождение человека. Только второе рождение в духе является окончательным рождением.

Связь человека по духу подменяется родовой связью по плоти и крови, происходящей в сексуальном акте, которого все стыдятся и признают нечистым.

Поэтому род и личность – глубоко антагонистичны. В личности возможно глубочайшее напряжение половой энергии, вне этой энергии нет личности, но направление этой энергии идет на разрыв с родом, с дурной бесконечностью, с отказом от полового акта. Новый Завет открывает выход сознавшей себя личности из родовой связи по телу и крови, это выход – подвиг преодоления падшего, рабского направления полового влечения. Христианская семья – это рабская греховная семья, а подлинно глубоким является аскетизм, аскетическое отрицание половой жизни ветхозаветного Адама. Самые первые враги человеку – это его домашние. Все природное и сексуальное остается в ветхозаветной литературе, а Новый Завет – это откровение для личности, связи по Духу, связи в свободе, а не в необходимости. Христианство открывает тайну пола в отношении Христа и Его Христианство утверждает в поле лишь послушание ветхозаветному полу, ограниченному законом. А откровение нового пола есть откровение творческой мировой эпохи, которая не будет страдать убиением пола и

непослушанием ему, а обратит энергию оргийности пола на творческое положительное преобразование.

“Никогда еще не было осознано окончательно, что религия Христа обязывает признать “естественную” жизнь пола ненормальной, а “естественный” сексуальный акт – извращением. Христианство благословляло деторождение лишь как искупление греха, лишь как единственное оправдание мистической противоестественности и ненормальности рождающей сексуальной жизни. Христианство в корне мистически отвергает “естественные” критерии родового пола. Христианство признает естественным, нормальным, должным лишь рождение от Духа и связь по Духу. Но религия искупления, освобождающая от греха родового пола, не открыла еще нового, преображенного пола. Христианство допускало лишь аскетизм или ветхозаветную семью как приспособление к последствиям греха” [17, с. 415 – 416].

Тайна нового человека преображенного пола – это тайна об андрогине. Путь формирования нового человека-андрогина – подобия Божьего – идет через любовь.

В дохристианских религиях встречались обряды, связанные с уничтожением той силы, которая служила продолжению существования рода человеческого на земле. Известны были очищения огнем в честь Молоха, распространено скопчество, женщины обрекали себя на безбрачие, а древние боги были андрогинами (“бородатая Венера”, Молох превращается в Мелиту, а Венера – в Марса). Богиня Астарта представлялась грекам как Девственница, у которой был суровый характер, выработанный в результате истязаний, она требовала кровавых жертвоприношений и целомудрия от своих поклонников.

И хотя Ветхий Завет связан с фразой “плодитесь и размножайтесь” но уже там явно проступают корни иночества, хотя полного своего развития иночество получило в Новом Завете. Община Иисуса уже была иноческою, а, если кто до апостольства был женат, то ушел из семьи, и дочери их пребывали в девстве, но если не было детей, то они уже не рождались, иначе весь дух апостола изменился бы. Церковные писатели были заняты описанием жизни девственниц и девственников.

И опять вопрос об андрогине: Элогим, а не Элоах (ед. число), то есть – Боги, два бога – мужская сторона Его и сторона женская. Бог сказал: “Плодитесь и размножайтесь”, но создал одного человека в лице Адама, а потом из Адама, а не откуда-то, сделал Еву – “мать жизни”, т.е. оказывается, что в существе Адама была скрыта Ева, будившая в нем грезы о подруге жизни. Они разделились при сотворении Евы. И начался первородный грех, который для кого-то был желателен, а кому-то не нужен, кому-то это было “естественно”, кому-то “неестественно”. “Семейные добродетели восхвалялись и содомитами, о вреде онанизма писали и онанисты, а отшельники пустынь, совокуплявшиеся с полевой птицей и лесным зверем, не умели допустить, чтобы мужчина мог иметь сношения на протяжении своей жизни более, нежели с тремя женщинами, и женщина более чем с тремя мужчинами тоже на протяжении всей жизни” [14, с. 30]. В.В. Розанов выделяет ряд натуральных чисел от +7 до -7, выражающих

якобы, степень напряжения силы, а “вечная женственность, как проявление повышенной самочности и лежит” в объяснение и основе древнего явления, называемого “священной проституцией”, которое, скорее всего, лежат в пределе +6 +7 +8. Церковь же выступает, по мнению В.В. Розанова, за чудо, за бессеменное зачатие. И хотя в Евангелии говорится, что у “Иисуса были братья”, однако все священники будут твердить, что это двоюродные братья, что не могло быть у Марии детей, ибо Божия Матерь была моногамною, ничем иным она не могла быть, иначе не началось бы христианство.

“Конечно, Божия Матерь – монахиня, как и рожденный Ею – монах же; без пострига, без формы, без громких слов, без чина исповедания, но в существе – таковы именно! Иначе, зачем бы и говорить о “бессеменном зачатии” и подчеркивать потом, страстно и мучительно: “Не от похоти мужеския и не от похоти женския” (зачат Иисус). Итак, “бессеменное зачатие” – это раз; и затем, зачатый так и Сам был бессеменен: это-то и есть новое и оригинальное, почему Его и нарекли “сыном Божьим”, “богочеловеком” и приняли, и поклонились Ему – как таковому именно. Как только в образ Его, в Лик Его вы внесете семейность, семе-несение; так вы и разрушили, раскололи, уничтожили этот Лик. Согласились вы на него – вы приняли Христа, “нового Бога”; нет – и вы отвергли Его, вы – не христианин.

Но “бессеменность” в видимом, ясном, признанном очерке мужчины, в каком ходил Иисус, это и есть “± 0” пола, то таинственное явление, какое не неизвестно в биологии” [14, с. 47].

При слиянии религии и пола любое рождение становится благословенным, угодным богу. “Человек, из полового акта вышедший и из страстно-половых частиц сложенный, есть во всем своем “я”, “целом” и “дробном” – половое же существо, страстно дышащее полем и только им, в битвах, в пустыне, в отшельничестве, в аскетизме, торговле, но в самом чистом и святом виде, в самом нормальном – в семье” [14, с. 55 – 56].

Все законы христианского брака и полового отношения продиктованы аскетами, отшельниками, которые ограничивают своей ханжеской моралью все светские формы отношений между людьми. Все религиозные книги: Библия, Талмуд – диктуют частоту сексуальных отношений, возраст вступающих в эти отношения и хотя они и грех, и брак – великий грех, а, тем не менее, его надо благословить, а возможно и отстранить (например, у христиан – скопчество), а то дать полную возможность сексу без брака (как и “Субботный год” для 13 – 16 –летних евреек), или, как у лютеран 2 – 3 дня, или для невоздержанных “шесть блудниц при храме”.

Аскетизм как институт монашества, то есть сообщество людей, объединенных определенной целью, формой мировоззрения и мироощущения внешнего мира, появился задолго до христианства. Но возникновение этого сообщества опирается на положительном, а не отрицательном отношении к признанию пола. Поклонники половой любви считают высшим принципом раскрепощения и проявления себя – вакханалии, которые так были характерны для поклонниц Люцифера в средние века, даже Соломон со своим гаремом поклонялся Астар-

те. Видимо, это есть определенная форма выявления богатства темперамента, живости человека, его страсти. Ну, а если это обратить вовнутрь, в самого человека, который сознательно пошел по пути воздержания, то он дойдет, по всей видимости, до высшего “накала”, он начинает “лучиться”, “светиться”. Монашество возникло в тех странах, где чувственные вакханалии были не в почете. И эта вся энергия воздержания выливается в молитву “за весь мир”, “за всех”, “за страждущих”. Темперамент, свойственный людям, всегда выявляется в эго-энергии, он характерен и гениям, он сопровождает лучшие качества человека: великодушие, доверчивость, незлобивость, любовь, здесь “хладный рассудок” невозможен. Темперамент созревает вместе с полом, половой энергией в возрасте 17–23 лет, которые характеризуются или великими открытиями, или мистическими видениями.

Есть та категория мужчин, которая не посягает на женщин и не женится, не будет иметь детей, те, которые “не осквернились с женами”, и их, таких девственников, немного, которых “тьма скверны не обнимет”. Это тот Адам, из которого еще не вышла Ева. Такие в мужья не годятся, а если и посягнут на брак, то родственники невесты потребуют развода, а христианство этот развод благословит, пусть муж любит только церковь.

Брак имеет безусловное право на существование, если его рассматривать с естественной стороны как акт чувственного единения супругов, цель которого – продолжение рода человеческого. Но, если брак рассматривать как нравственное совершенствование личности и нахождение себя в мировой гармонии, поиски образа Бога в себе, то здесь “естественная” сторона брака теряет свою значимость. Брак становится как бы орудием нравственного совершенства человека, это школа воздержания и полного освобождения супругов от их “естественных” начал. “А потому, если где-либо в мире существует зло не как простой естественный недостаток добра, т.е. несовершенство, а как активная злая сила, как прямое отрицание нравственного добра, а вместе с сим и вечного смысла бытия и Бога, то брак есть сосредоточие, центральный пункт для этого зла. Здесь дьявол борется с Богом, добро и зло враждуют за свое значение в мире человека. Кто победит?” [14, с. 85].

Менее всего из Библии можно почерпнуть руководство в семейной жизни и благословения в ней, но больше угроз, за прелюбодеяние – лишения царства небесного и вечной жизни. Библия сориентирована на девственность, на вознесение иночества, на “братнюю” любовь – дружбу.

П.А. Флоренский выделяет две стороны христианской жизни – агапическую и филическую. Агапическая сторона христианской жизни находит свое выражение в монашестве, высшим выражением которого являются агапы – вечери любви, завершающиеся явно мистическим, даже мистериальным со-вкушением Пречистого Тела и Честной Крови, сюда включается и каждодневное мученичество, и исповедование до кровавого истязания. Филическая же сторона – это братотворение, дружба и со-вкушение св. Евхаристии, предполагающей со-подвижничество, со-терпение, со-мученичество. Обе эти жизни протекают параллельно друг другу. [16, с. 411]. Агапическая любовь предполагает иметь та-

кого друга, в котором ты мог бы видеть самого себя, воспринимать уже осуществленную в нем возможность победы – победы над самостью.

Итак, пол:

- не только естественная потребность сексуальных отношений, находящая свое регулируемое проявление в браке;
- не оргийное состояние, проявляющее себя в “свальном грехе” во время молитвенных собраний в сектантстве;
- не социальное отношение в современной семье в виде гендера;
- а становление *личности*, его духовности, духовного опыта, религиозности, религиозного опыта.

5. РЕЛИГИОЗНАЯ ЛИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЙ БРАК

Таким одним и является Друг, агапическая любовь к которому есть следствие филической любви к нему. Дружба, прежде всего, основывается на духовной почве и проверяется несчастьями: “друг любит во всякое время и сделается братом во время бедствия” (Прт. Сол. 17, 17). Помощь Другу есть “приношение Господу” (Сир. 14, 11) и потому, “прежде, нежели умрешь, делай добро другу, и по силе твоей простирай твою руку, и давай ему. Не лишай себя доброго дня, и часть доброго желания да не пройдет мимо тебя” (Сир. 14: 13 – 14). “Не забывай друга в душе твоей, и не забывай его в имени твоём” (Сир. 37, 6). Бог называет другом Моисея, “прилепились” душой друг к другу Ионафан и Давид.

“Для всяких скорбей находятся слова, но потеря друга и близкого – выше слов: тут – предел скорби, тут какой-то нравственный обморок. Одиночество – страшное слово: “быть без Друга” таинственным образом соприкасается с “быть вне Бога”. Лишение друга – это род смерти” [16, с. 416]. Иисус посылает своих учеников проповедовать его евангелие по двое, те, у которых единство душ, со-прощение двух, согласившихся с каждой вещью на земле, смиривших себя друг перед другом, победивших между собой противоречия, а мысли и чувства свели до понятия единого.

В представлении теологов двое делают две частицы тела Христова, живое воплощение Церкви (имя Христово есть мистическая Церковь), а Христос как бы посреди них. Но если друг согрешил, то его надо простить “до семижды” – это предел для плотского ограничения и победы над самостью, а в духовном плане этих ограничения нет: “Не говорю тебе: До семижды, но до семижды семидесяти раз” (Мф. 18, 22), т.е. всецело и всемилостиво. Блаженный Августин указывал на великое таинство любви по двое, это заповедь любви, или любовь не может быть там, где нет Другого, должен быть объект любви. До сего дня православным инокам не рекомендуют жить по одному в пустыне, а предлагают лучше селиться возле монастырей.

У отцов церкви часто повторяются высказывания о необходимости, наряду со вселенской любовью, иметь уединенную дружбу. Но если первая любовь относится ко всякому, то вторая должна быть осмотрительной в выборе друга, ибо с другом срастаешься, вбираешь все в себя и, чтобы не погибнуть, нужно

тщательное избрание, ибо дружба должна быть до беспредельности: взаимное терпение, взаимное прощение, ношение “немощей” друга [21, с. 433].

“Между любящими разрывается перепонка самости и каждый видит в друге как бы самого себя, интимнейшую сущность свою, свое другое Я, не отличное, впрочем, от Я собственного. Друг воспринимается в Я любящего, – оказывается в глубоком смысле слова приятным ему, т.е. приемлемым им, допустим в организацию любящего и нисколько не чуждым ей, не извергаемым из нее” [16, с. 433]. Два любящих существуют как единый человек, сопровождая друг друга до смерти, разделяя радости и горести, как свои собственные. Это явно не подвиг минутного озарения, а терпение на всю жизнь.

В дружбе начинается выявление личности, которое связано и с познанием настоящего глубинного греха и настоящей глубинной святости. П.А. Флоренский заявляет, что “Дружба – не только психологична и этична, но, прежде всего она онтологична и мистична. Так на нее смотрели во все времена все углубленные созерцатели жизни. Что же есть дружба? – Созерцание Себя через Друга в Боге” [16, с. 438].

Эта дружба в христианском мире выражается в монашестве, где каждый из друзей безропотно смиряется перед своим другом жизни как слуга перед господином и несет его крест на себе. Верность раз завязавшейся дружбы сравнивается с установлением *неразрывного брака*, твердостью в дружбе до конца в своем единении до мученических кровей. Если *брак* есть вхождение двоих в *единоплотие*, то в дружбе – вхождение *двоих в единомушие*. Среди монахов есть определенный *обряд брато-творения*, предполагающий обмен крестов, произнесение клятвы в братской любви и верности перед иконой, зажжение свечей, хождение вокруг аналоя, обмен поцелуем.

“Более всего имейте усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов, – Будьте страннолюбивы друг к другу без ропота” (I Петр. 4: 8, 9). “Которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них сделали причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью,

- То вы, прилагая к сему все старания, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность,

- в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие;

- В благочестии братолюбие, в братолюбии любовь.

- Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа” (II Петр 1: 4 – 8).

“Чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией,

- Ибо довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предавались нечистотам, похотям (мужеложеству, скотоложеству, помыслам), пьянству, излишеству в пище и питие и нелепому идолопоклонству” (I Петр. 4: 2 – 3).

“Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем, и он не может грешить, потому что рожден от Бога” (I Ин. 3, 9). “Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная” (Рим. 6, 22).

О братстве в Библии в сотни раз больше наставлений, чем о нормальном браке мужа и жены. Этот раздел пришлось восполнять уже в более позднее время отцам церкви.

Все ученики Христа оставили свои семьи и вели затем безбрачный период своей пропагандистской деятельности, находясь в дружбе с кем-либо из последователей христианства.

Но семью нельзя игнорировать и церковь в более поздний период (340 – 370 гг. – время Гангрского собора) приняла ряд постановлений:

“Правило 1- Аще кто порицает брак, и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, гнушается, или порицает оную, яко не могущую внити в царствие да будет под клятвою”.

“Правило 4 - Аще кто о пресвитере, вступившем в брак, рассуждает, яко не достоин причащаться приношения, когда таковой совершил литургию, да падет под клятвою”.

“Правило 9 - Аще кто девствует, или воздерживается, удаляясь от брака, яко гнушающийся им, а не ради самой доброты и святости девства, да будет под клятвою”.

“Правило 14 - Аще которая жена оставит мужа и отити восхощет, гнушаясь браком, да будет под клятвою”.

Богословы все-таки должны были подчеркнуть святость религиозного брака и его качественное отличие от разврата, “...только истинное, благодатное девство понимает, что брак – не глаголемый “институт” гражданского общежития, а установление, от Самого Бога имеющее начало. И, наоборот, только чистый брак, только благодатное брачное сознание позволяет понять значительность девства: только брачный человек понимает, что монашество – не “институт” церковно-юридического строя, а установление Самого Бога и что оно качественно отличается от холостого ражжения. То же относится и к другим сторонам телесной жизни” [16, с. 300].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Человек живет в обществе, и общение его идет в подборе “родственных душ”, то есть близких ему людей, которых он принимает в сферу своих ценностных ориентации, заключающихся чаще всего в выборе человека по “трем лепесткам” общения – тела, души, ума. И если в подборе “телесного” общения в религии существует качественное отличие, то такое же качественное отличие богословы видят у верующих людей по сравнению с неверующими и в душе, и в уме, то есть это качественное отличие проявляется в религиозности человека, его духовности, в религиозном или духовном опыте и выборе своей позиции в религиозном браке и семье или в церковном браке и семье.

Конечно, культовая сторона брачно-семейных отношений остается традиционной, но в силу изменения мировоззрения и мироощущения на каждой стадии исторического прогресса, будут проходить процессы трансформации трактовки религиозного понимания и восприятия, будут разрабатываться новые правила церковного поведения, уклада семейной жизни, воспитания детей, выработки норм конфессионального поведения верующих, в зависимости от гражданского признания данного религиозного объединения и т.д.

Верующий человек не всегда признавал свое светское гражданство (например, как баптисты в период атеистической идеологии), они признавали гражданство только небесной республики, то есть совпадение государственного и конфессионального поведения не гарантировано в совмещении их функций в образе жизни, они могут выходить и на уровень отрицания данного светского государства, поэтому государственное и конфессиональное – это все-таки качественно различные уровни, проявляющиеся в своих носителях – людях данного общества и данной конфессии.

То есть происходит разный принцип формирования брака: **государственный** (гражданский, светский), **конфессиональный** (церковный, единоверческий) и **религиозный** (единоверческий, аскетический, монашеский), где присутствуют серьезные различия между государственным и церковным браком, но особо качественное отличие существует между государственным и церковным с одной стороны и религиозным браком – с другой.

Если браки можно разделить на: **светский**, не имеющий отношения к церковной церемонии, что стало возможно в нашей стране только с 1917 года; на **церковный**, который может быть произведен только при наличии гражданского оформления брачного союза и является вторичным оформлением брака, а вернее, просто церковной **или конфессиональной** (куда входит любое сектантское направление, имеющееся в нашей стране на любом положении, то есть официально зарегистрированное или не разрешенное законом) церемонией; на **религиозный** брак, куда входят монахи или молодые люди – единоверцы, усматривающие в плотском аспекте семейной жизни страшный грех и заранее соглашающиеся его искупать, замаливать или устранить из сферы своего общения и жить с женой как с сестрой, любить жену так же, как Иисус Христос любит церковь.

Отсюда можно сделать вывод: светский брак охватывает всех, вступающих в брак, церковный брак – частично входит в светский и включает в себя верующих людей-единоверцев, поскольку браки между людьми разных вер запрещены любым конфессиональным направлением, то религиозный брак – это очень незначительный по своему количественному отношению брак, не имеющий чаще всего дело со светским браком, заключающийся между людьми, обладающими религиозным опытом или монахами и тем самым качественно отличающимся от двух предыдущих видов брака.

На основе браков происходит качественный субстрат формирования семьи и семейных отношений.

Светский брак может не завершиться церковным браком, но в процессе существования семьи члены ее или кто-то из супругов могут стать верующими и посещать какую-либо конфессию, дающую ему указания о внесении качественных изменений по конфессиональным мотивам в функциональный характер семьи, связанный с проведением обрядов и утверждением конфессиональной психологии и идеологии. Но может произойти и приобретение религиозного опыта одним из членов семьи, который уйдет на путь аскезы, монашества или просто отказа от несения функции полового общения. Брак может быть расторгнут, а может быть сохранен, светская семья может превратиться в религиозную семью.

Конфессиональный брак, или церковный, предусматривает общение единоверцев, сразу утверждающих их качественное отличие брака от светского, формирующегося на основе “семейно-брачного кодекса” данного конфессионального направления, но и он, несмотря на более устойчивый характер семейных уз против светского брака может претерпеть соответствующие изменения в зависимости от кого-либо из супругов: могут отойти от веры из-за разочарования в ней или из-за ссоры с пресвитером, остаться верующей семьей, но не церковной, а внеконфессиональной, могут пойти по пути укрепления веры и приобрести религиозный опыт, тогда семья изменит свои ценности и может быть разрушена или поставлена на качественно новую основу – **религиозную семью**.

Сама верующая семья может быть подвергнута различной классификации по степени веры: колеблющиеся, сомневающиеся, слабо верующие, истинно верующие..., но это не предмет нашего исследования, ибо данная верующая семья, заключившая церковный брак и культивирующая конфессиональные ценности в семейной жизни, все равно качественно отличается от светской семьи и религиозной.

Религиозная семья – это не семья, это общение единоверцев, не предусматривающих общение между людьми в половом аспекте, где пол супругов становится основой утверждения религиозной личности, приобретающей или уже имеющей религиозный, духовный опыт, то есть это общение людей по двум лепесткам – души и разума, а третий лепесток – целомудрие, который не предусматривает включение в семейную жизнь первой заповеди: “плодитесь и размножайтесь”.

Религиозная семья не может возникнуть из религиозного брака, в котором монахи заключают брачный союз, ибо он и останется только браком, а в силу того, что в семье могут появиться в любом возрасте супруги, приобретшие религиозный опыт и отказавшиеся от несения некоторых брачно-семейных обязанностей. Поэтому религиозная семья может трансформироваться из светской или церковно-конфессиональной в любой период ее существования при приобретении религиозного опыта одним или обоими (что бывает крайне редко) супругами, но она не может быть изначально при ее формировании как религиозная семья, хотя при ее появлении на определенной стадии может быть и сохранена у супругов при действии двух других лепестков: духовного и разумного единства, если разум и душа совпадают, идентифицируются.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виссарион, епископ. О создании жены Адаму и о грехопадении их / Епископ Виссарион // Православная семья. // О семье и воспитании. Книги первая и вторая Книга I. Глава 1.– СПб.: “Общество святителя ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО”, 1999 г. – 640 с.
2. Мень, А. Магия единобожия / А. Мень // История религии. В поисках пути, истины и жизни. Т. 2. – М.: Слово/Slovo, 1991. – 352 с.
3. Франк, С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк. – Париж. VMCA, 1934. – 124 с.
4. Renckens, N. La bible et les Origines du Mondu-Tournal / N. Renckens. – 1964. – P. 178.
5. См.: Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Н.А. Бердяев // Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 382 с.
6. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
7. Соловьев, В.С. Философское начало цельного знания / В.С. Соловьев. – Минск: Харвест, 1999. – 912 с.
8. Булгаков, С.Н. Купина неопалимая / С.Н. Булгаков. – Париж: VMCA, 1927. – С. 335.
9. Лосский, Н.О. Очерк мистического богословия Восточной Церкви / Н.О. Лосский // Богословские труды. Сб.8. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
10. См.: Франк, С.Л. С нами бог / С.Л. Франк // Духовые основы общества. – М.: Республика. – 365 с.
11. См.: Лосский, Н.О. Свобода воли / Н.О. Лосский // Избранное. – М.: Правда, 1992. – 614 с.
12. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни / Е.Н. Трубецкой. – М.: Правда, 1995. – 161с.
13. Булгаков, С.Н. К. Адам. Иисус Христос // С.Н. Булгаков. – Брюссель, 1961. –284 с.
14. Розанов, В.В. Уединенное / В.В. Розанов // Люди лунного света. – М.: Правда, 1990. – Т. II – С. 195 – 277.
15. Юркевич, П.Д. Из науки о человеческом духе / П.Д. Юркевич // Философские произведения.– М.: Правда, 1999. – 355 с.
16. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – 411 с.
17. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 426 с.
18. Böhme, J. Diecher Prinzipien gottlichen Wesens / J. Böhme // Böhmes sämtliche Werke. – Т. III. – Stuttgart, 1997. – 386 s.

19. Böhme, J. Misterium magnum / J. Böhme. // Böhmes sämtliche Werke. – Т. IV. – Stuttgart, 1998. – 458 с.

20. Baader, Fr. Leben und theosophische Werke / Fr. Baader. – Т. II. – Stuttgart, 1996 – 472 с.

21. Что есть духовная жизнь и как не нее настроиться? Письма епископа Феофана. По благословению митрополита Ленинградского и Ладожского Иоанна. – Ленинград: Санкт-Петербург, 1991. – 433 с.